

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ

НИЖНИЕ

УРОВНИ

Александр Андреевич Лобанов

Нижние уровни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070086

SelfPub; 2023

Аннотация

Баланс сил снова нарушен! И в этот раз даже не по моей вине! Значит, пришла пора спасать мир, чтобы он не развалился под пятой неизвестного врага. И меня не остановят враги с полубожественной мощью! От моей воли прогнутся астральные планы! Цифровая вселенная покорится моему натиску! Возможно, я даже забегу купить себе рабов! Ну, или расколю свою душу на фрагменты... там как пойдёт. Что значит «нужно встретиться с родителями»? В смысле в гости?... Мля! Вот теперь пора валить! Пустите меня на самые нижние уровни реальности! Я даже помереть ненадолго готов, если надо!

Содержание

Пролог или к чему приводят затяжные прыжки?	4
Глава 1. Или чем опасны спонтанные приземления?	13
Глава 2. Или почему опасно возвращаться из командировок? (Часть 1)	26
Глава 2. Или почему опасно возвращаться из командировок? (Часть 2)	36
Глава 3. Или где лучше всего обсуждать спасение мира? (Часть 1)	47
Глава 3. Или где лучше всего обсуждать спасение мира? (Часть 2)	58
Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 1)	69
Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 1 (воспоминание))	78
Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 2)	82
Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 2 (воспоминание))	88
Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 3)	93
Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 3 (воспоминание))	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александр Лобанов

Нижние уровни

Пролог или к чему приводят затяжные прыжки?

– Думать о позитивном! Думать о позитивном! – бормотал я под нос. – Думать о позитивном! Вокруг свежий воздух! Вокруг много свежего воздуха! Вдыхай глубоко. Выдыхай плавно...

Следуя собственному совету, я попытался вдохнуть во всю мощь лёгких. Грудь отозвалась тупой, давящей болью, словно на меня навалилась гора. Интересно, это от разреженного воздуха или от того, что грудная клетка почти поздоровалась с позвоночником? Я продолжил убеждать себя:

– Думай о позитивном! Думай о позитивном! Ты проводишь время в приятной компании.

– Хм-м-м... – то ли одобрительно промычал, то ли саркастически прогундосил под нос Глагол. Мой напарник находился подшофе, потому лёгкая монотонность и невнятность речи простительны.

Двигался он параллельным курсом, на расстоянии пары метров. Не совсем ровно. Рывками. Дергаясь из стороны в

сторону. Виной тому не алкоголь, а безжалостная отдача от оружия, из которого Глагол в движении вёл стрельбу.

– Думай о позитивном. Думай о позитивном! – попытался я вновь затянуть мантру.

Безуспешно. Меня прервал беспечный, задорный и чуть хмельной смех ещё одного члена “приятной компании”. Юная особа в полупрозрачном наряде, не скрывавшем аристократической бледности кожи. По данным Информатория, представительница дальней ветви давно почившей императорской семьи. Одним словом: принцесса.

– Ой, как весело! – радостно кричала она, болтаясь на плече Глагола, помахивая изящной ножкой и вновь прикладываясь к бутылки шампанского.

– Всё хорошо, всё же просто отли... – самоубеждение слегка сбоило. – Ты часть природы. Лёгкое пёрышко. Тебя ничто не сковывает. Тебя окружает безбрежная доброжелательная стихия. Доброжелательная, я сказал. Ты совершенно свободен...

Ага, свободен... как иначе, если мы вывалились из самолёта и теперь падаем! И да, не сковывает! Не удивительно, с учётом того, что парашют сегодня не входил в мой костюм. Собственно, как и у Глагола. И у принцессы. Вот только в отличие от товарища я трезв, и красивая девушка рядом отсутствует, потому даже гипотетически ничто не могло смягчить моё падение – это омрачало настроение.

Холод и свистящий в ушах ветер обжигали, заставляя ко-

жу краснеть и покалывать. Капельки пота противно стекали по спине, замерзая и обращаясь в ледышки. От земли нас отделяет в лучшем случае минута и облачный слой.

Зато принцессе весело. При пролёте через облака она лишь смеётся и пытается изобразить, что плывёт. И её совершенно не смущает, что мы пролетаем через грозовые тучи. Что волосы, несмотря на влажность, пытаются встать дыбом. Что сквозь шум ветра в ушах прибивается глухой гул грома. А отблески молний сверкают вокруг нас.

Да и Глагола происходящее вроде как не особо беспокоит. Он методично стреляет, более того, придерживает принцессу одной рукой где-то чуть ниже талии.

И да, уважаемый читатель, должен упомянуть причину стрельбы Глагола: за нами летит пятеро террористов, все с автоматами наперевес. Очень злые по причине того, что благодаря нам “их гениальный план по захвату власти” навел на полный пушной северный зверёк. Грусть, печаль, тоска заставляла этих милых людей палить по нам. К счастью, им требовалась принцесса, потому Глаголу везло. Более того, Брауни, технопитомец напарника, всеми силами прикрывала хозяина: тело из нанитов обернулось вокруг товарища в подобие приталенного пальто. Лишь змеиная мордочка робко смотрела на мир с рукава.

А вот я изобразил пантомиму бешеного циркача-эквилибриста, пытаясь увернуться от пуль. Это при том, что я тоже нёс важный груз в сумке! Шапку Мономаха!

– Вашу суть! Вашу суть! Вашу суть! – орал я, уже не стесняясь: всё равно ветер уносил мои слова, только успевали они вырваться изо рта.

В сердцах я выцеливал ботинком ближайшего из террористов, не желая смиряться с утерей табельного револьвера... Очередной. В бросок, разумеется, вмешался ветер: ломанный зигзаг больше напоминал кульбиты пьяной мухи. Результат оказался примерно таким же – снаряд пришёлся соседнему преследователю по затылку. Не убил, конечно, но противник хаотично закрутился, и на одного стрелка стало меньше. Временно... Перед смертью я решил высказать все, что думал:

– Глагол, ты сволочь! Будь любезен в следующий раз передавать задание мисс Спектр в полном объёме. Хотя бы десятком слов. Или письменно! А то за “нужно сходить в антикварную лавку” я тебя в следующий раз на месте придушу!

Да... день сегодня не задался. Мы схлестнулись с не то религиозными фанатиками-монархистами, не то просто городскими сумасшедшими. Одним словом “группировкой”, решившей возродить монархию в стране! К тому времени они умудрились выкрасть Шапку Мономаха и принцессу. Якобы по древним пророчествам и легендам «коронация древней крови» вернёт монархию в страну... и ведь верят в эту чушь! А нам расхлёбывай!

Но нужно оставаться позитивным! Все будет зашибись! Хм. Это да... через наруч на глазной нерв, а через него на

сетчатку, выводится информация, что земля уже рядом. Каких-то шесть километров осталось. То, что будет зашибись, я как раз не сомневаюсь.

Один из террористов-монархистов сумел стабилизироваться в воздухе, и встроенный в наруч анализатор выдал информацию, что я в секторе обстрела. Да вашу... Не успел я выругаться, а стрелок нажать на спусковой крючок, как в спину противнику вонзились когти, острые словно молнии. Враг задёргался в конвульсиях, а затем и вовсе забултыхался в воздухе, хаотично вращаясь.

Летевшим последним стрелок сразу же перевёл огонь на новую цель. Другой монархист вовсе отбросил оружие и, сделав руками странный жест – он же магический пасс, – расскрёк облака тремя полупрозрачными лезвиями. Возможно, даже воздушными. Банальщина... Небольшое белое тело с хитрыми чёрными глазками и сияющим оперением крыльев без малейшего труда проскользнуло как между лезвий, так и между пуль. А затем белый ворон устремился к врагам.

Наблюдать за моим Фениксом одно удовольствие! Воплощение чистой магии! Мой важнейший помощник... Жаль только нет времени любоваться, как и расправляться с бандитами. Усилием воли я приказал Фениксу схватить напарника, ну и принцессу. Для этого пришлось влить в фамильяра несколько единиц Рабочей Веры, дабы тот смог увеличиться в размерах и хватило сил удержать увеличившийся вес.

Мой компаньон станет для них верной поддержкой... пожалуй, даже слишком. Феникс – моя воплощенная воля, не способная к самостоятельным решениям. Чистый сгусток магии и безвольный раб. Моя марионетка. Что печально... ибо я знал, что у Феникса есть собственные чувства. Остро кольнуло где-то за грудиной, а в памяти всплыл ядовитый засранец Брут. Мне никогда не нужен был слуга.

Пет безоговорочно подчинился моей воле. Брауни, как некогда мы уже отработывали, преобразовала себя в подобие сбруи с ремнями на спине, давая Фениксу возможность удобно зацепиться. И мои товарищи обрели крылья!

Стоило Глаголу и принцессе хоть немного стабилизироваться в воздухе, как наши противники тут же раскрыли парашюты – в отличие от нас они заботятся о своих шкурах. А вот я продолжил ультимативное изучение законов гравитации и того, какой предельной скорости может достичь падающее тело. Ветер донёс приглушенный не то приказ, не то просьбу, не то обещание напарника:

– Земля станет тебе пухом...

Вот ведь сволочь! Издевается. Система судорожно мигнула, выдавая предупреждение, которое я смахнул взглядом, не изучив – не до того. Хотя... Может, он решил применить свою способность?

Глагол – удивительное существо, из которого клещами слова не вытянешь. Он легко обходится сотней фраз в день! И то только потому, что любит со мной поболтать! С неко-

торым шансом развязать язык этого непробиваемого шкафа с мордой-кирпичом можно алкоголем. Вот только выпивает он лишь по вескому поводу... или если попросит прекрасная леди, как в этот раз. Брутальность Глагола так велика, что девушки в отделе только и делают, что строят ему глазки и подкармливают домашними печеньками.

– Даже не надейся! Я ещё первую квартальную премию Критика не получил! – на автомате проорал я в ответ, теряя всех в гуще облаков.

Мозги экстренно искали выход их положения. ДИТРы даже на всей скорости не успеют прилететь на помощь, как и дроны. Феникса я отослал, так что способностей, которые позволят пережить удар, не осталось. Иммунитет к воплощениям Веры, конечно, прекрасно – но против гравитации он не поможет. А если я отмотаю время – у меня как раз в запасе 20 секунд – до прыжка из самолёта, то это не поможет: меня просто расстреляют монархисты.

При этом глаза мои завертелись в орбитах, словно у одержимого – это я забирался в глубины Системы. Как у Критика, у меня имелся способ экстренного отступления: переместиться в картину, а через неё на базу Критиков. Сильные возмущения Веры, которые могли мне помешать, отсутствовали. Даже Шапка Мономаха лежала себе в сумке спокойно, будучи экранирована. Так что никаких препятствий для перемещения.

– Я бы не советовал, – остановил меня голос в голове. С

учётом того, что Феникс не умел говорить, а Глаголу слегка не до того, это мог быть только мой сопровождающий из Информатория.

– Артефактор, если хочешь что-то сказать, то поспеши... я немного в подвешенном состоянии.

Облачный покров остался позади, и я вместе с каплями дождя стремительно приближался к серой земле. Хотя не такой уж серой... зелень мелькает, желтоватые поля. Геометрически правильные образования. Неужели строения? Но почему их так мало?

– Переход в мир картины не замедлит тебя. А скорость ты набрал уже приличную, – ободряюще заметил Артефактор.

Понял. Понял. Не совсем дурак. Кровавая клякса имени меня точно не станет украшением картины из моей коллекции... а матрасной фабрикой или, на худой конец, водной гладью мне обзавестись в голову как-то не пришло. Неужели я всё же перехитрил сам себя и мне конец?

А строения внизу становились всё чётче и больше. Я даже сумел различить купол храма, несколько машин и мельтешащих людей. А ещё дым – густой чёрный столб откуда-то с окраины и жиденькую ниточку прямо из центра селения. Но куда более странным показались огненные и мертвенно зелёные всполохи, плясавшие над строениями. Жуткие, в круговерти дождя и дыма. Неужто я несусь напрямиком в распахнутые врата ада?

Отчаяние почти толкнуло меня на то, чтобы коснуться та-

туировки Уробороса на запястье, добавив себе лишние двадцать секунд на размышления... Но паника и стремительно приближающаяся земля оказались сильнее. Тело инстинктивно скрутило в позу эмбриона, а глаза закрылись, погружая в блаженную темноту.

Удар.

Глава 1. Или чем опасны спонтанные приземления?

Нет ничего хуже ожидания неминуемой боли. Но прошла секунда... Три секунды. Семь. Десяток. Я мыслил, а значит, если верить доктрине некоторых древнегреческих философов – существовал. А боль всё не приходила. Лишь возникло ощущение, словно меня плотно спеленало чем-то колючим. Приятно колючим, словно шерстяной свитер. Это очень странно после падения с высоты в десяток километров. Я уже умер?

Я неуверенно дёрнул лапкой... то есть ногой, и вокруг что-то зашелестело и захрустело. Услышал я это сквозь заложенные уши и ламбаду, выдаваемую сердцем. А когда решился открыть глаза, то обнаружил, что меня окружает множество жёлто-зелёных стебельков сухой травы. Плюс запах прелости и лета. Сено?

Стоило отправить мысленный запрос в наруч, как пришла информация, что я нахожусь в глубоком подмосковье. Хотя информация почему-то предстала в сетке помех. Но если ад находится не в подмосковье и не забит стогами сена, то значит, я выжил! Однако следует удостовериться!

Я судорожно стал барахтаться, пытаюсь выбраться из спасительных объятий сена. Выходило с переменным успехом:

меня бил дикий мандраж, да и конечности слушались через раз, регулярно предавая потуги выбраться. При этом я сделал запись в наруче: “Проставиться выпивкой напарнику” – я жив лишь благодаря его таланту! Глагол один из старейших Критиков, который долгое время работал автономно – потому у него очень большой опыт. И его талант в том, что любое высказанное им обещание становится истиной. Если он, конечно, вложит достаточно Веры. Он сказал, что “земля станет пухом” – вот я и приземлился мягко! Хорошо ещё не в курятник...

– Глагол, ты меня слышишь? – попытался я вызвать напарника. Тишина в ответ означала, что он либо слишком занят, либо как всегда максимально лаконичен.

Наша история сотрудничества с Глаголом, довольно занимательная... и она достойна отдельной книги, с названием вроде “Палач желаний”. И да, доброго часа, уважаемые читатели. Извините, что до сих пор не представился, сами понимаете: выживание, все дела... Я Сергей Кугтыматов, с недавних пор полноценный Критик, с позывным “Несуществующий”, который охотится за различными воплощениями Веры и теми, кто ими незаконно пользуется. Про аспекты Веры и воплощений, так же как и про мой путь к становлению Критиком, тоже можно рассказать отдельную историю, но там название будет вроде “Охотник на творцов”.

Возвращаясь к Глаголу, наше сотрудничество гармонично. Рядом со мной, в области моего иммунитета к Вере, Гла-

гол может общаться без опасности случайно вложить ту в слова и исказить реальность. При этом ему не составляет большого труда обойти мой иммунитет к воплощениям Веры, так как его приказы влияют не только и не столько на физические объекты, сколько на вероятности событий... но это уже нюансы. Главное, что всем выгодно!

– Артефактор, отзовись. Подтверди, что я не в загробном мире... – молчание стало мне ответом, и это заставило напрячься. Помехи в Системе обычно возникают при сильных возмущениях Веры рядом.

Я наконец добился цели и вывалился из стога, краем глаза отметив, что из него торчат вилы. И не одни... Босые ноги со смачным “шлёп” по щиколотки погрузились в грязь. Шикарно! И мокро... А ещё зябко, ибо прыгал я из самолёта лишь в лёгкой рубашке.

– Информаторий? – неуверенно протянул я в пустоту. В ухе послышались помехи, связь так и не обрадовала появлением.

Взгляд наткнулся на сооружение в десятке метров. Основательный помост, светлый и пахнущий свежим деревом, с плохо ошкуренным бревном в центре конструкции. Столб оказался не одинок, пару ему составляла привязанная миловидная девушка. Молоденькая, чуть за двадцать, в лёгком светлом домашнем платье, которое намокло под дождём и теперь приятно облегала тонкий стан. Кляп во рту в сочетании с дорожками от слёз и потекшей туши слегка портили

момент.

Ноги её утопали в дымящейся куче хвороста, веток и поленьев. Дерево давно бы полыхало, не будь оно немного отсыревшим от лёгкой мороси. Судорожные попытки вырваться и закатывание глаз подсказывали, что фактом собственного сжигания жертва недовольна.

Стоило лишь сосредоточить взгляд на несчастной, как наруч сработал штатно, хотя и с помехами, выдав на сетчатку краткую справку о заинтересовавшем меня объекте:

“Гришина Елена Александровна. 21 год. Не замужем. Детей нет. Проживание...” – движением глаз я указал, чтобы данную информацию мне выводили только по требованию, и продолжил чтение:

“Работа: учитель информатики (распределение после университета).

ИВ: 4ед. БВ: 374 ед. МВ: 345 ед.

Творческое развитие: Психик – детская психология. Метаморф – общее усиление организма, внешние параметры”.

– Несуществующий, живой? Чем могу помочь? – сквозь треск помех пробился голос Артефактора.

– Наруч сбоят. Не хочу рисковать перемещаться через искаженные помехами картины. Мне бы эвакуацию и горячий кофе...

Площадь перед судилищем оказалась пуста. Никого из людей, которых я видел с высоты. Лишь в одном из переулков спешно хромал прочь столетний дед. Но так было не

всегда, если верить множеству следов в грязи, ещё не успевших расплыться под дождём. И распугал толпу отнюдь не я сошествием с небес, а парочка колоритных персонажей, паривших в дюжине метров всё над тем же помостом.

– Кофе нужнее всего, – пошевелил я пальцами ног в грязи. – И комментарий, куда я на сей раз вляпался?

Одним из зависающих оказался низенький, чуть полноватый мужчина с умным лицом и шикарной окладистой бородой в тёмной сутане священнослужителя. Одежда ещё сильнее бросалась в глаза, так как фоном для левитации мужик выбрал старенькую церковь. Её стены давно посерели, а купол блестел древней позолотой там, где не провалился внутрь. На том же куполе неуверенно мигал подбитый дрон, намекая, какая дыра эта деревушка.

– Отступница! Покайся! Я не дам тебе бесчинствовать! Не позволю погани нечистой отравлять нашу Веру! – глубоким, хорошо поставленным голосом чеканил священнослужитель. – Душа твоя черна! Темны и порочны мысли! Грешные порывы твои очистятся огнем! Не поддадимся порочно-му искусу!

Лицо слуги бога буквально пылало алым, а вены на лбу и шее вздулись. Он был в полнейшем бешенстве. Ещё больше жути нагоняли неухоженные залысины и фанатичные до безумия глаза.

– Сильна моя вера! Не сообразишь ты истинное дитя святой Матери-Церкви! Блудница! Покайся! Очисти душу

свою! Да вознесём хвалу отцу нашему всемилостивому, чтобы он принял душу рабы своей!

Апогеем внешнего вида храмовника стала броня, выступившая сквозь одежды. Огненная кольчуга с пластинами из чистого пламени, украшенная старославянскими символами и христианскими образами. Эдакий человек-факел... Нет, это слишком заезжено! Пусть будет “пылающий старпёр”.

– Да начнётся аутодафе! Да поглотит ведьму пламя! Да очистится мир ото зла! – надрывался и, кажется, распаял сам себя старик.

Система не сумела выдать данных о герое местного масштаба. Это могло значить только одно: старик не имеет наруча, что само по себе является нарушением закона. Однако и без данных системы я мог сказать, что с количеством Веры у слуги господнего весьма неплохо. Даже шикарно с учётом величины посёлка.

Даже я, как автор трёх полноценных книг, будучи на службе Критиком и обладая поддержкой госструктур, не могу себе позволить тратить Веру на полёт и пафосные речи. А ведь мне выделяют по 10 ед. Рабочей Веры. Вот только после последней заварушки осталось всего чуть больше 1,5 ед. И от этого неуютно.

– Несуществующий, да ты издеваешься! Не вылезай! Я сейчас подгоню ближайших дронов и лучше всё проанализирую, – Артефактор тоже явно растерялся от происходящего, хотя и старался это скрыть.

Второй стороной противостояния выступала старушка. Сухонькая боевая бабка в футболке Black Sabbath и косухе с шипами. Её седые волосы прикрывала бандана с черепами, а по рукам и морщинистой шеи вились цветные татуировки. Она зависла в воздухе на фоне провала пространства, отсвечивавшего мёртвенно-зелёным светом. Больше всего данный провал пространства напоминал портал в старой компьютерной игре – такая же арка из пикселей... хотя с учётом их объёмности, правильнее будет кубы “вокселей” из искажённого пространства.

– Тьфу, тьфу, тьфу... Не позволю трогать... Да, трогать мою внучку! – провозгласила бабка чуть запинаясь.

Одно её движение рукой, и дым вместе с первыми язычками пламени... собственно, весь помост с позорным столбом, путами и кляпом исчезли, словно художник в графическом редакторе убрал один из слоёв картины. В нашем случае – слоёв реальности. Лишь девушка плюхнулась в грязь.

Я сфокусировал взгляд, пытаюсь считать данные по старушке. Удалось с трудом, шум помех оказался невероятно сильный:

“Lenin Hard.

Работа: пенсионер на службе хаоса!

ИВ: 7 ед. БВ: 26 ед. МВ: 78566448 ед. (Внимание! Опасный уровень Веры! Возможны неконтролируемые искажения реальности!)

Творческое развитие: Не твоё собачье дело, сосунок!”

Я даже не знал, чему удивляться в первую очередь. Взлому Системы? Или уровню Мимолётной Веры? Откуда столько? Тут больше, чем может выдать наша страна целиком! Бабка по чистой мощи сильнее большинства Критиков, и это ещё весьма оптимистично!

– Ты не пройдёшь, дьявольское отродье! – возопил старикашка, бросившись в бой. – Сгоришь в священном огне вместе со своим отродьем, проклятая ведьма!

Как бы нелепо ни выглядел пылающий старпёр, он оказался достаточно силён, чтобы маневрировать в воздухе на реактивной струе и с ходу запустить в бабку огненный шар. Не по годам бойкая старушка от фаербола отмахнулось, словно скинула его в корзину. А затем... самое точное определение “кликнула” на небосвод и оттуда полился дождь. И вновь не верно! В точке, куда “кликнули”, небо просто порвалось и водопадом обрушилось на пылающего старпёра.

Тот попытался увернуться, но часть воды всё же задела его, и воздух заполнился паром, а остатки воды подняли волну грязи и стали растекаться по округе. Я решил немного проигнорировать Артефактора, и отступить ещё дальше к максимально стабильному строению, знаменующему практически любой населённый пункт в России – памятнику Ленину. Хотя, в данном случае, к его бюсту на платформе. Интересно, а его уже пытались воскресить?

Пар немного рассеялся, и удалось увидеть, как кибер-бабка сложила пальцы, словно изображая камеру, навела их на

купол храма и сделала вид, будто фотографирует его. После чего повторила процедуру в зеркальном порядке над головой старика. Кусок купола рухнул на старпёра, при этом оригинальный купол так и остался целым. Возникло чувство, что применили способность “копировать-вставить”.

Пылающий старпёр даже и не подумал уворачиваться, а прожёл собой дыру в куполе, и тот полетел дальше к земле, а если точнее, к месту, где раньше находился помост. Туда, где, остолбенев от ужаса, сидела на земле девушка-внучка. Ну и заодно ко мне, шлёпавшему неподалёку. То, как я выдернул девчонку из-под удара, даже сам до конца понять не могу. Помню лишь, как меня захлестнуло волной грязи и обломков дерева, камня и металла. И пусть они являлись воплощениями Веры, но сумели пройтись шрапнелью по спине.

Нас прибило к ближайшему забору. Я буквально вынырнул из протухшей канавы, выдёргивая девушку и смахнул серую жижу с лица. Рубашка неприятно липла к телу, "ароматы Франции" стекали по спине вместе с остатками прелой травы и «шрапнели» что медленно растворялась. По спине пробежал холодок: моя основная способность – иммунитет к чужим воплощениям – уничтожала воплощения мгновенно. С учётом того, что защита действует на меня и частично на площадь вокруг, то некоторые воздействия я вообще не замечаю. И если эти держатся так долго, то сколько же в них вложено Веры? Ведь Система указывает мощность моей за-

щиты, как:

"Защита от искажений физического воздействия 10 ИВ.

Защита от искажений ментального воздействия 8 ИВ.

Защита от искажений духовного воздействия 5 ИВ."

– Напьюсь... однозначно, сегодня напьюсь, – пообещал я сам себе, поглаживая по слипшимся волосам девушку, которая от страха поскуливала и теперь больше походила на грязный мешок. И заорал во всю глотку: – Никому не двигаться, работает Критик!

Шлёп. Шлёп. Шлёп. Шлёп. Четыре тела террористов живописными кучками мяса рухнули в окрестностях площади. Одному сильно не повезло и его насадило на шпиль церкви. Тело чуть не разорвало пополам и превратило в алое знамя из потрохов, которое пытался утащить порванный парашют. Что-то долго они. Хотя один, судя по всему, где-то летает.

Колориту сцене добавлял антураж середины апреля: ветви деревьев с робкими побегами, остатки уже почерневшего снега, воронья в небе и серых тяжёлых туч. Для полноты картины не хватало только волчьего воя. Звуки электрички на фоне казались как-то не очень уместными.

Бой на миг прекратился и взгляды враждующих сторон скрестились на мне. Очень тяжёлые и недобрые взгляды.

– Вали оттуда, придурок! – мудро заметил Артефактор, но, как по мне, слегка запоздало.

А всполохи пламени и искаженной реальности всё нарастали.

– Вы это... поаккуратнее. Тут же люди ходят, а вы дерётесь, – пробормотал я, ещё раз осмотрев сражающихся. Подумал. И махнул рукой: – Не обращайтесь на меня внимание. Я тут просто мимо пролетал. Продолжайте. Не отвлекайтесь.

После дела с Кошмаром я старался вкладывать большую часть личной Веры в защиту разума. И если против пылающего старпёра я без труда выступлю, то вот кибер-бабка почти гарантированно сомнёт меня мощью. А уж без Феникса и напарника лезть в драку – чистое самоубийство. Потому я решил поступить наперекор себе – благоразумно отойти в сторону. Хватит с меня на сегодня самоубийственных затей.

Старик вновь собрал силы и запустил полдюжину огненных стрел в старушку. М-да, с фантазией у деда не очень! Бабка от снарядов ловко увернулась, даже не скажешь, что пенсионерка. В ответ, если так можно выразиться, старушка свернула вкладку пространства – кусок мира стал схлопываться, причём в центре оказался дед. Тот попытался сдвинуться, но его буквально затягивало в эпицентр, так что ему не оставалось ничего иного, как принять на пламенную ауру удар земли, осколков купола, а также всякой мелочёвки, оказавшейся в зоне “сворачивания”.

Я вновь скользнул взглядом по старушке: “ИВ: 7 ед. БВ: 85 ед. МВ: 78567589 ед.” Мой гениальный план взять ослабевших врагов с треском проваливался. И как только при использовании столь мощных способностей показатель Веры бабки лишь растёт? Она там часом не стримит?

Жгущий дед собрал остатки Веры и воплотил пламенеющий меч. С утробным рыком престарелый воин очищающего пламени бросился на бабу. Особого впечатления это на старушку не произвело: мановением руки нападавшего развернула на 180 градусов, словно использовала функцию “Отразить по...” или “Отразить на...”. Старик растерялся лишь на миг, затем полыхнул и вновь устремился к цели. Но бабушка повторила фокус. И вновь. И вновь. И вновь... Старая металлюга издевалась над противником, не используя и половину силы. Финальным аккордом дед был развёрнут и отправлен в лужу грязи и обломков на месте бывшего помоста.

А затем старушка развернулась к нам и недобро прищурилась.

– Я хороший! Вот, вашей внучке помог, – кивнул я на девушку, стараясь улыбаться как можно дружелюбнее. – Если что, могу даже сумки донести.

Бабушка просканировала меня таким взглядом, словно не уверена, буду я шкродничать или нет. Но всё же быстро переключилась на внучку, которая уже сумела подняться на ноги, и запричитала:

– Милая, ты как? Как... В порядке? Хорошо? Плохо? Как? Они тебе не навредили? – девушка не успевала ничего отвечать, а судя по совершенно ошалевшему взгляду, даже не совсем понимала, жива она или нет. Бабушка же продолжала, запинаясь и словно пытаясь ухватить мысль или переспорить кого-то: – Милая, нам нужно уходить... Да, уходить! Точно!

Нас уже ждут... Ждут они на нижних уровнях! Меня отпустили... Отпустили, я помню, ненадолго...

Повинуясь жесту старушки, пространство вокруг внучки исказили воксели, и та воспарила. После чего они на пару взмыли к провалу в пространстве, всё так же сиявшему зеленоватым светом. Ещё пара секунд, и на площади я остался один.

– Зашибись прогулялся... – буркнул я в пустоту. – И как теперь домой прикажете добираться... да ещё с одержимым старпёром?

Глава 2. Или почему опасно возвращаться из командировок? (Часть 1)

– Мальчики, вы совсем страх потеряли? – тёплый голос моей непосредственной начальницы, мисс Спектр, раздался в сознании, стоило лишь принять вызов, пришедший на наруч. – Что за сказочный бред приходит в ваших отчётах? Будете любезны выступить с докладом лично! Немедленно.

Я поморщился. От вложенной в голос участливости и заботы, захотелось ускорить шаг и поскорее добраться до тюремного блока Критиков, куда я и так направлялся, после чего забраться в одну из камер. С учётом того, что они предназначены для сдерживания одержимых и преступников с большим количеством Веры, имелся шанс, что и от мисс Спектр защитят. Призрачный шанс...

То, что начальство будет недовольно, я не сомневался. Хотя чем именно, не имел ни малейшего представления. На то оно и начальство, чтобы находить косяки! Потому решил подстраховаться и после прибытия на базу набросал предварительный отчёт не только про “царское” дело, которым мы занимались официально, но и про “деревенские разборки”. Выбрал лучшие моменты, которые записала Система с глазного нерва, и приложил комментарии в выгодном мне клю-

че. Отправил заранее, чтобы мисс Спектр к нашему прибытию немного успокоилась... но не прокатило.

– Мисс Спектр, прошу уточнить, какая часть отчёта вызывает вопросы? – робко влез я, ибо надеяться на Глагола в переговорах не стоило. Отметка о присутствии напарника в конференции лишь подчёркивала глобальность проблемы. Достанется всем.

– Так значит, вы утверждаете, что ваши действия полностью соответствовали должностной инструкции? – вкрадчивый, почти ласкающий слух голос плохо сочетался с интонацией, отдававшей скрипучим морозцем, от которой пот у меня на затылке застыл. Гвозди-слова вбивались в сознание, с каждым звуком вгоняя меня всё глубже в отчаянье: – Когда я поручила вам следить за Шапкой Мономаха, чтобы выйти на похищенную “принцессу”, как её обозвал Несуществующий, то предполагала, что это может привести к разрушению антикварной лавки, где хранился артефакт. Догадывалась, что возможны локальные погони с перестрелками. Опасалась, но была готова к уничтожению других видов частной собственности вроде разгромленного отеля... – мисс Спектр пришлось глубоко вдохнуть и выдохнуть, прежде чем закончить мысль. – Я знала, кому поручаю работу. Но, по-вашему, устроить крушение частного самолёта в полусотне километров от столицы – это нормально? И развесить несколько трупов на шпилях церкви?

Со стороны Глагола раздалось невнятное сопение, кото-

рое я охарактеризовал как виноватое. Он опять изображал помехи в эфире. Шикарная поддержка! Возникает ощущение, что когда-нибудь Глагола так же подключат к конференции или совещанию. И уже после его окончания узнают, что всё это время тот с кем-нибудь дрался, уходил от погони или находился в плену... И всё это в полном молчании. Поэтому сомнительное удовольствие оправдываться – и тем самым закапывать себя – ложилось на меня.

– Нами были предприняты все необходимые действия для сохранения жизни и здоровья как "принцессы", так и задействованного личного состава при нанесении минимально-допустимого ущерба гражданским. Всё имеется на записи! – максимум пафоса, минимум фактов. Может и выгляжу, как дурак, но зато честный дурак.

– Я видела записи. Вы честно вытащили “принцессу”... – я было выдохнул, но мисс Спектр ещё не закончила: – При этом умудрились напиться и потерять табельное оружие.

Мы с Глаголом одновременно судорожно сглотнули. Я открыл рот, чтобы возразить, но был моментально заткнут повышением голоса на полтона:

– И если ты, Несуществующий, попытаешься оправдаться, то лишишься премии ещё и в этом квартале, – я медленно закрыл рот. Мисс Спектр продолжила спокойно: – В данный момент меня больше интересует, как в этот бесподобный сценарий вписывается бой в центре захолустной деревни между одержимым “пылающим старпёром” и “кибер-баб-

кой” с невозможным количеством Веры, в котором вы даже не принимали участия?!

– А должны были? – изобразил непонимание я.

– Боя вообще не должно было произойти! – елейным тоном, словно маленькому ребёнку пояснила мисс Спектр, заставив ощутить, как мой интеллектуальный уровень приравнили к стулу на колёсиках, а полезность и того ниже. – Мне нужны подробности по деревне. Кто сражался? Что там произошло и почему? И где вы, в конце концов, ходите, почему до сих пор не в моём кабинете?!

Вот тут я чуть выдохнул. Тут я знал, что сказать! Тут я действовал строго по уставу.

– На данный момент Глагол проводит обыск и следственные действия по месту проживания потенциальной жертвы одержимого святого отца, а так же её “кибер-бабушки”, – бодро отрапортовал я. – Так сказать, по свежим следам.

– А ты, Несуществующий? – мисс Спектр удалённо активировала голопроектор на моём наруче в полную мощность, не жалея батареи. Рядом в полный рост зависла невысокая уже немолодая женщина со стальной выправкой, уверенным взглядом и в выглаженной военной форме.

Я вспомнил, как буквально через пару минут после исчезновения бабки появился Глагол. Как он обвёл взглядом разрушенную площадь, меня, изгвазданного грязью с ног до головы, с ещё дымящимся старикашкой на закорках и сумкой с Шапкой Мономаха через плечо! Сил не было даже ма-

териться, так что оставалось только выразительно смерить взглядом идеально чистый костюм напарника, на плече которого уютно дрыхла принцесса, и лишь фыркнуть. На этом разговор закончился. Мы знали, что делать.

– Я прибыл на базу Критиков, где передал “принцессу” под охрану, а “пылающего старпёра” сдал в зону содержания задержанных. В данный момент направляюсь в тюремный блок Критиков для последующего допроса “пылающего старпёра”, – выдал я как на духу.

Факт того, что почти полчаса после сдачи подопечных и до вызова мисс Спектр я радовался горячему душу и свежей форме, деликатно оказался за скобками. С развитием способностей одежду приходилось менять гораздо реже, но зато теперь её требовалось стирать... часто стирать и латать. Пятая часть бюджета на нитки со стиральным порошком уходит. Это не упоминая о счетах за электричество!

Шаг – и мир картины «Живописец Жак Стелла в тюрьме» Гране Франсуа Мариуса остается за спиной. Здравствуй реальность тюремного блока! Вернее, та её часть, что предназначалась для допросов. Правила доступа к заключенным отличались особой строгостью.

Как только я оказался в помещении, меня начала сканировать целая куча систем. Протокол безопасности запускал как стандартную проверку – сигнатуры наруча, сетчатки глаза, отпечатков, ДНК – так и доступные лишь Критикам параметры: сканирование артефактами ментальной, духовной

сфер и физического тела. Данные параллельно обрабатывали нейросеть и человек, и лишь когда оба подтверждали, что я тот, за кого себя выдаю, активировались экраны с трансляцией из камеры заключения и остальные функции комнаты.

Происходящее считалось упрощенной версией проверки, ибо мы находились на дополнительном пункте наблюдения за заключенными. Чтобы попасть к самим узникам или хотя бы узнать, где они расположены, моего доступа не хватало. Собственно, как и ко многим другим данным.

Увеличив одно из изображений, удалось в деталях рассмотреть четыре голые бетонные стены, стул в центре, к которому и прикован до сих пор бесчувственный “пылающий старпёр”. Умытый и переодетый, скованный по рукам и ногам, подключённый к куче датчиков, провода от которых уходили куда-то вглубь стен, плюс с воткнутыми в вены капельницами. Внутри могло быть всё что угодно: от укрепляющего раствора до яда или чего-то уникального, нацеленного на способности старпёра – на случай, если пленник попытается взбунтоваться.

Антураж дополняла картина за бронированным стеклом, которое открывалось удалённо. Произведение искусства выступало в роли двери, ибо допросная находилась в отрыве от базы, где-то на глубине десятков километров в скальной породе в глубине скальной породы, чтобы допрашиваемым было сложнее использовать воплощения. Если бы заключённый пробовал сбежать, взрывчатки вокруг камеры вполне

хватило бы на то, чтобы сравнить с землей целый квартал. Мир картины – лабиринт, преодолевать который можно почти бесконечно. При попытке побега изображение-вход уничтожалось. Да и выход картины тоже охранялся.

Хотя, по-настоящему сильных творцов или людей с уникальными способностями так легко не сдержать. Не запирайте же геоманта под землёй? Или мастера зеркал рядом с отражающей поверхностью? Для них у Критиков имелись особые апартаменты. Усиленных камер имелось всего три, ибо защитные меры подбирались для каждого заключённого индивидуально. И судьба этих "особых" узников была не завидна: после следственных действий и признания вины или выдачи статуса "особо опасен" единственным вариантом конца оставалась казнь. Без жалости. Чёрный месяц научил, что порой не стоит рисковать.

Что-то я отвлёкся, уважаемый читатель. Голограмма Мисс Спектр выгнула бровь, мягко намекая на степень разочарования моей неподготовленностью и бесполезной тратой драгоценного начальственного времени. Можно подумать, это не она мне позвонила! И я был бы рад вколоть что-то старпёру для ускорения пробуждения, но моего доступа хватало лишь для включения и выключения камер, а также звука.

– Транслирую, – разбил тишину голос Глагола, как всегда лаконичный и максимально своевременный.

Вместе со словом Глагола наруч создал голограмму не

только мисс Спектр, но и напарника, а после и местности вокруг него. Пейзаж получился чуть просвечивающий, но довольно чёткий и красочный. Чёрт, это не личный девайс, а какой-то проходной двор! Нужно у Артефактора обновить прошивку системы безопасности.

Зато теперь мы во всей красе сумели различить дымящие развалины деревянного дома, от которого остались лишь чёрные, не прогоревшие балки да обугленная каменная печь по центру с растрескавшимися от жара кирпичами. До меня запоздало дошло, откуда исходили облака дыма, которые я видел на окраине посёлка во время падения.

– Глагол, только не говори, что последние полчаса ты любовался на эти развалины, – мисс Спектр уточнила это вежливо, но чуть отстранённо. – Я надеялась, что хотя бы ты не поддашься раздолбайству Несуществующего. Не разочаровывай меня.

– Брауни, реконструкция, – новая команда Глагола.

Пейзаж начал двигаться, словно киноплёнка, в обратную сторону: на месте углей и обломках вспыхнуло пламя. Вот пламя сократилось всего до трёх очагов: факела на деревянной крыше веранды, ещё одного в доме у разломанного окна и разбитой о стену бутылки зажигательной смеси. Вот на место встала выбитая дверь, а тени людей вошли и вышли из здания спинами вперёд. На этом проекция остановилась.

На голограмму сожжённого дома наложилась проекция целой версии строения. Местами чуть более чёткая, места-

ми крайне расплывчатая – похоже, так показывалась достоверность нахождения и формы того или иного объекта в том или ином месте.

Брауни – питомица Глагола – не переставала удивлять. Я работаю с напарником почти месяц, а о новых способностях кибер-змейки узнаю с завидной периодичностью. Фениксу бы брать с неё пример... Или моему наручу. Тот явственно нагрелся, не выдерживая поток данных.

Глагол без лишних комментариев прогуливался по воссозданному дому, позволяя нам осмотреться. Если верить проекции, то это было стандартное жильё пенсионерки со средним достатком и уютными советскими замашками: югославская стенка и прочая мебель прошлой эпохи, но при этом ухоженная и чистенькая, даже накрытая вязанными кружевными салфеточками. Однако в комнатах вещи не только старушки, но и молодой женщины, любящей пощеголять красивыми нарядами. Кроме вазочки с конфетами на одном из столов находились и книги, которые воссоздать Брауни не смогла. Вот только рядом лежали очень размытые тетради. В той же комнате чётко отображались несколько системных блоков, соединённых в локальную сеть с выводом данных на пару широкоформатных экранов – это на фоне оплавленной горки пластика и металла в реальности Глагола. Очевидно, все это принадлежало внучке, которую пытались сжечь.

– М-м-м... – сквозь созерцательную задумчивость донеслось до нас. Я вздрогнул и заозирался. – М-м-м... – повто-

рилось, и только со второго раза я понял, что звук идёт из реальности от экрана, на котором показывался пылающий старпёр.

Дед священник соизволил прийти в себя и теперь пытался хоть как-то двинуться и вновь обрести голос. Челюсть старика двигалась с трудом, похоже, немного свернутая на бок кибер-бабкой.

Глава 2. Или почему опасно возвращаться из командировок? (Часть 2)

– Што вы творите, окаянные? Отпустите меня! Отпустите, кто бы ни были! Я шеловек боший! – пленник пытался кричать, но получалось скомкано и шамкающе.

Слушать проповеди, а тем более проклятья не имелось ни малейшего желания. Того и гляди подхватишь на ауру какую-нибудь заразу, потом замучаешься избавляться. Потому я припечатал во всю мощность громкоговорителей:

– Внимание, вы задержаны Критиками за отсутствия на-руча, превышение полномочий по использованию Веры и временную одержимость. Вы находитесь в камере временного содержания. До окончания проведения расследования и вашего лечения от одержимости вы не сможете покинуть данную камеру. О вашем местоположении не будет известно никому. Вы не сможете ни с кем связаться.

– Да как ше так?.. – дед выглядел растерянно, но всё ещё пытался возмущаться. – Да, што ше я такого сделал? Это проишвол! Вы не имеете права! Я буду шаловаться! Я ше слушитель Бога! Я ше только блюду шиштоту душ своих прихошан...

Я игнорировал этот лепет. Ещё работая Редактором Веры,

я привык слушать, как задержанные взывают к своим правам, матерятся, угрожают, плачут и кучей других способов пытаются разжалобить служителей Веры. Вот только в отличие от обычных преступников, попавшие под власть Веры теряют все права. Спасение – опционально и по возможности. Уничтожение – стандартное решение. После Чёрного месяца никакой жалости.

Вместо этого я выделил время на изучение данных на одном из экранов, где Информаторий уже собрал сведения о нашем набожном госте:

“Козлов Юрий Алексеевич. 56 лет. Не женат. Детей нет.

Работа: Священник села Дырькаево.

Судимость (23 года назад): незаконный оборот наркотиков.

ИВ: 15 ед. БВ: 425 ед. МВ: 720 ед.

Творческое развитие: Психик – коррекция Веры”.

– Для ускорения проведения расследования, Юрий Алексеевич, вам предлагается сотрудничество. Необходимо ответить на ряд вопросов. Вы готовы? – казённо уточнил я.

– Я буду шаловаться! – не унимался старик, лишь раздражая нытьём и возмущением. – Я шнаю высших сановников церкви. Они не оставят без внимания подобный проишвол. Они вас всех приструнят...

– Если бы он только знал, сколько из них побывало в этих камерах, – задумчиво протянула мисс Спектр, наблюдавшая за представлением.

Я лишь покосился на начальницу и, сделав вид, что ничего не услышал, продолжил в микрофон заранее заготовленную речь, которую в меня вбили при обучении:

– Если вы не готовы к сотрудничеству, то останетесь в одиночестве на ближайшие сутки. Питательные вещества будут вводиться внутривенно, удаление отходов жизнедеятельности осуществляться посредством механизмов.

На этом моменте старик заткнулся. Угроза была правдива и очень неприятна. Даже до самых тупых доходило на вторые-третьи сутки одиночества. А старик явно не дурак. Более того, он имел судимость, а значит, знаком с концепцией “одиночки”, а то и “карцера”. И проверять на себе не хотел.

Вот только мне бы не хотелось затягивать, тем более потерявший всю Веру старик теперь не представлял опасности. По тому я уже прикидывал, какие пытки стоит применить, если угроза не подействует.

– Шего вы хотите, волки пошорные? Да прости меня бог и святой дух, – выдавил старик.

Казённая одежда не могла скрыть пусть и старческой, но поджарой и жилистой фигуры. А главное, взгляд. Пусть он и раздражал непреклонностью, но одновременно вызывал и уважение. Ещё в этом взоре пылал огонёк фанатичной Веры и ненависти... И вот от это по-настоящему бросало в дрожь.

– Нам нужна информация о произошедшем на главной площади деревни Дырькаево, где находится ваш приход. Почему вы пытались сжечь гражданку Гришину Елену Алек-

сандровну? И что вы знаете про её бабушку Гришину Марию Дмитриевну, известную также под никнеймом Lenin Hard, с которой у вас произошёл конфликт по выше указанной причине?

– А что про эту семейку знать? Они дьявольские отродья, заточку мне в печень! Ведьмы. Что бабка, что внучка – одно семя. Потому и нужно вам облавы устраивать не на меня, а на эти порождения тьмы, которые простому народу жить мешают. Я лишь пытался сделать вашу работу, очистить проклятые души огнём во славу божью!

Я проверил показатели жизнедеятельности старика. Среди множества цепей, датчиков и капельниц имелись и те, что отслеживали по параметрам ложь. Не врёт. Старик искренне верил в то, о чём говорил! И его совершенно не смущало, что ведьмы... собственно, как оборотни, вампиры, а также другая “нечисть” после прихода Вера составляли немалый процент населения. Да что там, я слышал, у вампиров целый анклав под Питером. А у меня девушка – природный маг. В такие моменты я даже уважаю религию Последней Книги. Однако и переубеждать старика не собираюсь – нет смысла попусту сотрясать воздух.

– То, что вы делали, называется самосудом. Это карается по закону, – я добавил в голос стальные нотки. – Но мне необходимо знать, что вы подразумеваете под понятием “ведьма”? Какие признаки и действия заставили вас прийти к подобным выводам? И что побудило вас решиться на

убийство?

Закреплённые на старике датчики показали, что он пытается применить воплощения. Запоздало, но ожидаемо. Вот только вся Истинная, да и большая часть Бытовой Веры выгорели, так что он не мог ничего сделать. Да и само помещение изолировано клеткой Фарадея – это помогает от элементарных воплощений.

– То, што старая Маришка – ведьма, известно издавна, – старик насупился, когда понял, что воплощение заблокировано. – Смолоду была крашива, шмара. Да и с годами не потеряла крашоту. Мушик у неё был непьющий, не гуляющий, работающий. Дом – полная чаша, хоть и на окраине. И это ещё при Шоветах. Даше дети, когда выросли, в город уехали и устроились. Не ведьма ли? – старик грязно выругался. – Но то было ещё до моего прихода. Да прощтит господь людей за шлухи! Но шато я шам видел, што Маришка никогда не ходила в церковь. Шнал, што кроме пенсии полушала расные “девайсы”... – последние слово он произнёс как ругательство. – И не только от родных! Шнаю, что шила лучше, чем хосяйштвенные семьи. Видел, как к ней приходили дети и уходили с игрушками, которых у неё быть не могло. И ведь не шухарилась!

Глагол без лишних слов двинулся по дому, выискивая то, что могло подтвердить или опровергнуть слова священника. И, как ни странно, находил и фокусировался на тех или иных объектах: от компьютера шли провода к объёмному и, судя

по виду, часто используемому 3D принтеру – пожар расплавил корпус, и наполнитель расплескался бесформенной затвердевшей массой.

– Но всё бы нишего. Её терпели. Бабка была мирная, поэтому её не трогали, што грех на душу брать? Пока к ней в августе не приехала внушка, – продолжал рассказывать священник. – Дьявольское семя прикатило учиться проклятым снаниям у швоей бабки. Но што хуше всего, эта дрянь крашенная приехала для того, штобы в шошеднем селе, в школе, куда ходят дети со вших окрештностей, преподавать богомерзкую “информатику”. Не в масть нам это! А пошледние нешколько недель в доме у бабки штал появляться странный самогильно-селёный свет, доношились свуки непонятные и проишходили прочие штрасти. Такие же, как когда ведьма пришла за швоей ученицей.

Обыск Глагола привёл к ещё нескольким находкам. Стоило ему покопаться рядом с принтером, убрать несколько слоёв обгоревшего мусора и остатков компьютерной литературы – даже после пожара остались обрывки обложек – как показался оплавленный пластиковый сейф для хранения дискет, флешек, внешних жёстких дисков и других носителей информации.

– Доставить в научный отдел в лабораторию Артефактора, – бросила мисс Спектр, хотя судя по потёкшим и вспузырившимся стенкам, внутри всё должно было сплавиться в единую массу.

– Но што хуше всего, от их ушёбы по деревне штала рашползаться зараза. Одни шивотные умирали – их души ишпольсовали для ритуалов. Другие штали мутировать... Мерские уродцы, которых приходилось забивать при рошдении. Да и наш они проклиали: фарт у всей деревни пропал. Никакие дела не шпорились.

Я едва сдержал удивлённый мат. Это же как деревенские ненавидели кибер-бабку, что Вера отразилась на животных. Собственно, чего ожидали – то и получили. Вера во всей красе. Но на всякий случай нужно отправить группу для проверки данных слухов. Но вот в то, что это действия IT-ведьм, я совершенно не верил.

– И вы решили устранить первопричину? Схватить ведьм и сжечь. А когда прибыли, то нашли только внучку. Поймали бедняжку. Дом сожгли. И пошли вершить самосуд! – подвёл я итог, с трудом сдерживая брезгливое презрение. Хотя нет, всё же не выдержал: – А обратиться в полицию? К Редакторам веры? В конце концов, просто пошевелить мозгами и попытаться поговорить – не судьба?

– Несуществующий... – строго, но без укоризны, даже с лёгкой грустью протянула мисс Спектр.

– Она ведьма! Её душа проклята. И лишь швященное пламя...

Я отключил звук. Общее представление о произошедшем у меня сложилось. Селяне не знали о своей соседке ровным счётом ничего. А то, что знали, интерпретировали абсолют-

но неверно, потому данных о том, как на самом деле жила кибер-ведьма, не найти. В лучшем случае повезёт, и местный дрон что-то заснял, или Критики с ментальными способностями что-нибудь извлекут из памяти жителей. Но на это надеяться не стоит.

А о судьбе старика я и думать не хотел. Домой ему не вернуться – это точно. В лучшем случае отправят куда-нибудь в дальние дали, где его никто не знает. В худшем, осудят, и наравне с другими неудачниками и преступниками, у которых не слишком много Веры, он будет работать на государство в тюрьмах – генерировать Веру, возможно, даже для меня, просматривая множество часов и строк материалов.

– Значит, у нас вновь ничего, – задумчиво протянула мисс Спектр. – Печально. Я надеялась, что хотя бы по свежим следам удастся что-то выяснить.

– Вновь? – вкрадчиво уточнил я, чтобы не вызвать гнев начальства.

– Вы не первые, кто за последние месяцы встречает подобных личностей. Если быть точнее, то пятые, – всё так же задумчиво и оттого протяжно ответила мисс Спектр. – И выжили...

– Ш-ш-шь? – прошелестела робко, но отчётливо-вопросительно Брауни с плеча Глагола. Даже она говорит больше, чем её хозяйин, хоть и жутко стеснительная!

– По тем случаям ещё меньше информации. В первый раз ограбление хранилища одной довольно крупной IT-корпо-

рации в Японии. Местные Редакторы Веры подросли к моменту, когда парень лет шестнадцати неформальной внешности – с пирсингом и ирокезом – исчез в зелёной вспышке. И нет, подробности отсутствуют: жильё парня оказалось уничтожено, – мисс Спектр обвела нас голографическим, но от этого не менее пристальным взглядом. – О втором случае известно только со слов свидетелей: мужчина средних лет с избыточным весом, неухоженный, лысоватый, как выразился свидетель: “задрот, не вылезавший из-за компа годами”. Устроил разборку в школе в Норвегии – много погромил, кого-то ранил, но никого не убил. Зачем? Почему? Непонятно... Затем ещё два ограбления технологических концернов США и Тайваня. Данных нет! Корпорации не хотят разглашать, что у них украли, да и власти стран не спешат открывничать – проводят внутренние расследования. И вот, теперь проблема добралась до нас.

– И у всех большое количество Мимолётной Веры? – на всякий случай уточнил я.

– Неприлично большое, я бы сказала. Опасно большое. Неестественное... и всё это без малейших признаков одержимости, – мисс Спектр начала сухо вбивать слова-приказы: – Все случаи имеют общий подчёрк. Технические, даже программистки-компьютерные воплощения. Зеленоватый ореол. Согласно расследованиям на местах, все участники – одиночки без семьи, друзей и любимых – работали и жили в сети. В одном из случаев также упоминались “ниж-

ние уровни”. С этим нужно разбираться. Вам.

И почему я не удивлён? Хотя ситуация любопытная. “Нижние уровни” может означать практически что угодно: начиная от нижних этажей в каком-нибудь древнем храме и заканчивая сленговым понятием в области квантовой физики... хотя в последнем я немного разбираюсь, как-никак “физик” по образованию. Но сочетания термина “нижние уровни” с областью компьютерных технологий отсылает нас к легендарным, а потому практически не достижимым “нижним уровням” интернет-сети. Вот только это никогда не было моей областью, потому придётся консультироваться!

– А что говорят предсказатели? – на всякий случай уточнил я.

– Предсказатели? Несуществующий, ты помнишь уровень Веры той бабки? Даже у самых сильных наших предсказателей едва ли наберётся и десятая часть. А чем больше разрыв в Вере между предсказателем и объектом предсказания, тем более бредовыми становятся данные. Так что у нас ничего, – обрубил мечты о быстром расследовании начальница. – Завтра с самого утра к Артефактору, он вас проконсультирует по началу расследования.

– Почему не сегодня? – не смог сдержать я удивления. – Впереди ещё полдня!

– Потому что у Артефактора личные дела и он отпросился, – и увидев мои округлившиеся глаза, с тенью улыбки пояснила: – То, что он арестован и находится на содержании,

не значит, что у него нет личной жизни. Мы не звери. Если хочешь подробностей, то зайди к нему пораньше и спроси. Ему не мешает поддержка товарища. Вы вроде бы сработались: за последний месяц пытались убить друг друга всего пару раз. Вам же с Глаголом сейчас есть чем заняться – я всё ещё жду от вас полноценного отчёта. Такого, который сможет оправдать ваши кульбиты в деле с монархистами и “принцессой”.

Глава 3. Или где лучше всего обсуждать спасение мира? (Часть 1)

– О! Несуществующий! Наконец-то ты пришёл! А ну, подваливай скорее! – радостно, даже с панибратскими нотками воскликнул человек за столиком в дальнем конце помещения, стоило мне только пересечь порог бара “У Семёныча”.

Человек попытался даже вскочить, раскрыв объятья, но на середине движения замер, бросил взгляд себе за спину и решил остаться на месте. Однако улыбка с его лица не пропала, более того стала шире стоило ему отхлебнуть пива и закинуть в рот несколько пластинок чипсов.

– Милый, ты опаздываешь почти на полчаса, – с укоризной посетовала Надя, сидевшая за позadi так радушно приветствовавшего меня человека. Она уперла ему под рёбра взведённый игольник, не давая лишний раз дёргаться. – Этот проглот уже два литра пива в одно горло выжрал. Такими темпами он скоро лыка вязать не будет.

– Имею право. Снимаю стресс! – даже и не подумал смутиться собеседник. – С учётом того, как нагло меня похитили и теперь угрожают. Настоящий полицейский произвол! Так выпьем же за это!

Походя, я бросил взгляд на Семёныча – хозяина заведе-

ния, стоявшего за стойкой бара. Тот лёгким движением бровей показал, насколько не в восторге от того, кого к нему привели. Небрежным движением правого уголка губы уточнил, что проблемы отсутствуют. Лёгкий поворот шеи и хруст позвонков указал направление, где под стойкой спрятана двустволка на крайний случай.

Я же окончательно расслабился и даже немного улыбнулся, наслаждаясь странным сочетанием запахов пережжённого хмеля, свежего дерева и острых рыбных закусок. И лёгким движением плеч попросил хозяина принести мне чего-нибудь.

– Маргинал, помнится, в предпоследнюю встречу ты похитил меня, после того как твои люди тренировались в стрельбе по мне любимому. А в последнюю так и вовсе без лишних слов пытался убить. Потому считаю себя очень вежливым и радушным человеком, – не скрывая ядовитой насмешки, я устроился на высоком деревянном стуле напротив собеседника.

Система, наконец, выдала справку по визави:

“Алексей Павлов. 31 год. Холост. Детей нет.

Работа: внимание, розыск!

ИВ: 2. БВ: 78. МВ: 145.

Кибернетическое улучшение организма – правая рука.

Творческое развитие: руническая магия”.

– Или ты предпочёл бы провести разговор связанным в багажнике машины? – я был воплощением вежливости и учти-

вости: – Могу устроить. Даже организовать ряд увечий. Тогда у твоих подельников из банды Геймера вообще не будет вопросов, какие дела ты ведёшь с законниками. Желаеть?

– Не посмеешь, – собеседник насупился и ещё отхлебнул пива. – Я же тебя знаю.

– Не... ты знал милого и доброго Редактора Веры, – улыбка демонстративно перешла в чуть безумный и наглый оскал. – А сейчас я военный Критик Несуществующий. С Легендарным Критиком раз в неделю в столовой ужинаю и драконов после дождичка в четверг приручаю. Думаешь, не сумею поведать заинтересованным правдоподобную версию того, что в моём багажнике делает находящийся в розыске и несколько раз судимый опасный элемент? Я даже рискну убедить компетентные органы, что разделённый на части ты гораздо полезнее!

Лицо маргинала дрогнуло и перекосило в ухмылке, которая должна была означать, что он не купится на подобную браваду. Но вот то, как пальцы кибернетической руки нервной дробью пробежались по столешнице, говорило об ином.

– Как по мне, Несуществующий вообще зря с тобой возится. Сдать бы тебя... – недовольно буркнула Надя, вдавив игольник под рёбра Маргинала, одновременно невзначай приложившись к стакану с лёгким яблочным сидром.

– Сдадим. На органы. Или на импланты... – кивнул я. После чего кивнул уже Семёнычу, принёсшему заказ. Я с удовольствием отпил глоток тёмного крепкого хмельного на-

питка. – Сдадим, если не договоримся...

Я вновь отпил пенного нектара. Хорошо... Одно удовольствие в конце рабочего дня расслабиться в приятной компании. Особенно после того, как мисс Спектр из тебя всю душу вытрясла на отчёте. При этом я продолжал наблюдать за Маргиналом и его активной мыслительной деятельностью, направленной на попытки понять, насколько далеко я готов зайти. А по сердцу растекалось тепло, вызванное совершенной маленькой гадостью для старого приятеля. Пусть теперь опасается и поменьше наглет.

А то, что именно по моей протекции его выпустили после дела с Богом... Как известно, оказанная услуга ничего не стоит. Нет смысла портить репутацию добрыми делами.

– Чего вам нужно? – нехотя выдавил собеседник. – Учтите, много сделать не могу. Из-за розыска я мало выхожу. А на базе Геймера и вовсе на птичьих правах – мне всё ещё не доверяют.

Маргинал аж посерел. Нет, не от страха. Но от негодования, которое не мог никуда выплеснуть. Его рунические татуировки, словно маленькие жучки, ползали по коже, выражая спектр эмоций, однако не решаясь воплотиться во что-либо.

– А вот это не хорошо, – протянул я. – Ибо твоя задача проста: передать сообщение Геймеру. Мне нужно встретиться с ним. Более того, мне нужна от него кое-какая услуга.

– А ты смешной, – Маргинал вновь взбодрился. – Что-

бы главный криминальный авторитет города, а возможно и всей области, добровольно полез к Критику? Геймер самоубийственными порывами никогда не отличался! Какой ему с этого резон?

В словах собеседника присутствовало зерно истины. Однако я проработал Редактором Веры в городе почти семь лет и знал некоторые нюансы, которые помогали мне не просто выживать, но и делать свою работу. Раскрывать все детали я не собирался, но необходимым минимумом для работы решил поделиться:

– Передай ему, что Отступник969, – я даже специально на салфетке написал. – Хочет встретиться с ним в сети. Вживую. Геймеру пора вернуть долг за легендарное копьё “Черное пламя хаоса”, которое Отступник969 отдал ему после прохождения подземелья “Проклятой жрицы бездны”. Взамен на это, я хочу получить информацию. А если возможно, то и прогуляться на “нижние уровни”.

За столом повисла неловкая тишина. Даже Надя на меня покосилась растерянно. Возникло ощущение, что я только что признался в каком-то жутком непотребстве или извращении. Да, онлайн-игры запрещены практически все. Да, пришлось приобрести нелегальную игру. Да, пришлось подключиться к пиратским серверам. Но чего только не сделаешь ради работы? Кроме того, игра интересная... Надо бы передать свой аккаунт Наде.

– У него будут вопросы. Много. Даже очень... И главный,

почему ты сам не вышел с ним на связь? Почему через меня? – максимально деловым тоном уточнил Маргинал.

– Потому что не хочу его пугать и заведомо обманывать, – пожал я плечами. Кружка пива уже подходила к концу, поэтому я больше налегал на закуску. – Я же тебя знаю, ты передашь не только мои слова, но и непременно сдашь меня с потрохами, – ответа не последовало, что лишь подтверждало мои слова. – То, что я упомянул – лишь показатель моих добрых намерений. Как и то, что предлагаю встречу на нейтральной территории. Почти на территории Геймера – в сети. Я хочу договориться о взаимовыгодном сотрудничестве. Как говорится: “Держи друзей близко к себе, а врагов еще ближе.”

Вновь полуправда. Я бы даже возможно сам рискнул связаться с Геймером через игру, если бы не знал, что, стоит мне войти на игровой сервер, как Критики через наруч получают данные о незаконной локации. Именно так при первом моём визите в даркнет и вышли на сайт-бункер, где я проводил подпольную сделку. И лишь усилиями Артефактора меня не смогли ни в чём обвинить. Теперь такой поддержки нет, а приводить Критиков к порогу человека, с которым хочешь договориться, не лучшая идея.

– Допустим, но разве не странно: информация на игровые шмотки? – неуверенно протянул Маргинал. – Обмен не очень равноценный.

– М-да... не удивительно, что ты не можешь к нему впи-

саться, – покачал я головой. – Не стоит забывать, что для Геймера игра значит ничуть не меньше, чем реальность – на этом держится его сила и способности. А с ними и власть.

Плюс я давно заметил, что те, кто причисляют себя к авторитетным и уважаемым людям, стараются не обманывать по мелочам – это лишь портит репутацию, а выгоды не приносит никакой. Конечно, в случае с охотой на меня данный момент не сработал бы – слишком высоки были ставки, но сейчас имелись все шансы на успех. Но сказал я другое:

– Если всё же у него возникнут подобные претензии, то упомяни, что по результатам встречи я, возможно, смогу получить для него доступ в тестирование “Становления”.

Если честно, то я не был до конца уверен, что смогу подобное организовать. Но вот то, что это заинтересует Геймера – безусловно. Маргинал тоже это понимал, потому задумался, пытаясь понять, как получить из данного задания максимум пользы.

– А что будет мне за риск? – уточнил он настолько походя и нагло, что я искренне восхитился его непробиваемостью.

– Тебя как минимум не посадят, и ты проявишь себя в глазах своего нового босса. Мало? – поразила и Надя подобному хамству.

– Я ведь могу забыть передать какие-то детали... – усмехнулся Маргинал. – Я почти полгода просидел по вашей милости, а это плохо влияет на память.

– Не наглей... – насупился я, хотя внутренне хотелось

смеяться. – У тебя сейчас одна рука кибернетическая, а ведь можно сделать комплект. Хочешь? Нет? Тогда вали!

– Понял, – Маргинал плавно соскользнул с места и, весело козырнув, закинул в рот последнюю порцию вяленой рыбы и, не прожевав, на ходу бросил. – Всё будет исполнено в лучшем виде... Если вспомню, что! – и дверь хлопнула за ним.

– И снова не заплатил, – невзначай отметила Надя. И обернулась ко мне: – А ты изменился.

– Да? И в чём же? – я усиленно разглядывал рыбное ассорти, примериваясь, чтобы утащить следующим.

– Не брезгуешь угрожать. Да и связываться с криминальным авторитетом... не перебор?

Я наконец поймал самый аппетитный кусок и с удовольствием принялся жевать. А подняв взгляд, увидел чуть грустные глаза Нади. Похоже, данный момент был для неё важен.

– Понимаешь, после того дела с янтарной комнатой я неожиданно понял, как мелко плаваю. Как незначительно всё то, что я делал до этого. И мне это не пришлось по душе. Поэтому я пытаюсь стать значительнее. А для этого нужно двигаться выше, осваивать новое и думать по-другому.

– Может и так. Но ты хотя бы не спеши. Чем выше ты поднимаешься, тем опаснее. А я тебя жду...

Моя возлюбленная всё ещё не допила свой стаканчик сидра, потому свалить на опьянение подобные речи я не мог. То, что Надя переживала за меня, было аксиомой, над которой я никогда особо не задумывался... а зря. Смотря на поник-

шие плечи девушки и её чуть опущенную голову, я понял, насколько сильно она боится меня потерять. Притом потерять не только в плане гибели. Её пугало и то, что я могу измениться и стать совершенно другим человеком. А самое страшное, я и сам не мог отрицать подобной возможности. Пиво не успело ударить мне в голову, потому я решил не налегать на него, а перевести тему:

– Ты быстро привела Маргинала. Я опасался, что данные о местоположении его наруча, взятые из базы Критиков, могут быть не достоверными. Или он окажет сопротивление. Всё прошло нормально?

– Да он чуть ли не обниматься полез, когда я его ветвями дерева в прыжке поймала – это так он от меня из окна убежал, – чуть повеселела девушка и защебетала, объясняя: – Он в бегах. Геймер ему не особо доверяет. Вот и сидит, скучает, чуть на стены не лезет. Он бы и тюрьме обрадовался – там хотя бы пропаганду для генерации Веры крутят.

– А вот сейчас обидно было! – теперь уже я надулся, пусть и притворно. – Между прочим, в этой пропаганде Критикам немало времени отводится. И мне в том числе! На днях меня должны официально закрепить за нашим регионом. Так что если вдруг какая-то дичь, то в первую очередь призовут меня! – приосанился я.

– Мы все умрём... – с театральным придыханием просто-на-на Надя, закатила глаза и изобразила падение в обморок. Мы дружно рассмеялись. На душе сразу стало легче. Всё

же прекрасно, когда есть, с кем можно посмеяться, с кем можно бок о бок встать во время боя, и кто поддержит мудрым советом в быту.

– Как прошёл день? – решил я развеять разговор чем-то обыденным.

– Ничего особенного. Праздники закончились, с ними на спад пошло число одержимостей и незаконных воплощений. Гоняли нескольких домовых в многоквартирных домах. В одной из многоэтажек за домового вступились жители и гоняли нас. Готовимся к приезду в наш город “Серен” – прорабатываем меры безопасности перед их концертом. Рутин... Ты сейчас домой?

– Ещё посижу и домой, – почти не соврал я. – А ты?

– Нет... у меня ночная слезка. Певица из моего района, прославившаяся ещё до Чёрного месяца, последнее время стала быстро набирать Веру. Я подозреваю, что она даёт нелегальные концерты. Нужно проверить. А ты смотри не засиживайся! И главное, чтобы был свободен в субботу. Ты ведь помнишь, что у нас в планах? – строго, даже по-хозяйски уточнила девушка.

– Помню. И я свободен...

– Точно свободен? Это была твоя инициатива! И если у тебя что-то сорвётся, то я туда одна не поеду! Хоть стреляй! – девушка хоть и пыталась ругаться, но получалось у неё крайне неуверенно, почти испугано.

– Не переживай, – я поднялся и обнял Надю. – Это моя

инициатива и мне следует тебя благодарить за то, что ты едешь со мной, – я поцеловал девушку.

Поцелуй немного успокоил подругу. А вот мне на душе было тяжело. Дело предстояло хоть и правильное, более того давно назревшее и необходимое, но от этого не менее сложное. Почти как выбивать молотком и долото себе же большой зуб.

– Отлично, – чуть покрасневшая девушка тоже поднялась. – Тогда надолго не задерживайся. Ну а мне пора, – и Надя выпорхнула прочь.

А я остался сидеть дурак дураком. Идея познакомить Надю с моими родителями действительно принадлежала мне. Я даже всё организовал: созвонился с матерью, договорился о встрече. Нас ждали, даже были рады... по крайней мере мать. Про отца я сказать такого не мог. Я даже реакцию его предугадать был не в состоянии. Однако наша дурацкая ссора длилась уже почти десять лет и одно из недавних дел помогло мне осознать, что пока не поздно пора наладить отношения. Но вот хотел ли того же отец?

Глава 3. Или где лучше всего обсуждать спасение мира? (Часть 2)

– Уникальная техника “Социального рейтинга”! – вещал по телевизору какой-то новостной портал: – В игре “Становление” применена уникальная технология, позволяющая, полностью сохраняя личные данные человека, отцифровать его показатели. Зная уровень, класс и некоторые характеристики, можно с очень большой точностью оценить, кто перед тобой. С полным сохранением конфиденциальности! Это пригодится не только для сравнения себя с другими! Но и работодателям станет гораздо удобнее оценивать молодых специалистов. Да и при постройке отношений или дружбы подобные знания тоже не станут лишними. Кроме того, точная информация о собственных способностях придаёт уверенности в самом себе. А значит, значительно снижается риск стать одержимым.

Я хмыкнул. Хорошо поют. Вот только уверен, для высокопоставленных чиновников и богатеев правила окажутся совсем другими. Высокий уровень можно будет просто купить, чтобы поднять свой авторитет в чужих глазах.

Одним махом я допил остатки пива и, поднявшись, направился к Семёнычу. Он пристально всматривался в меня,

словно изучая, пока происходил расчёт. А когда я поднял взгляд, он вопросительно изогнул бровь. На это мне оставалось лишь тяжело вздохнуть и кивнуть за спину хозяина. Тот качнул головой и открыл проход в подсобку.

А там меня ждал другой мир. Нет, серьёзно, уважаемый читатель. В маленьком помещении, где стояли несколько швабр, веников, лопат, ведер и прочего инвентаря, где горела всего одна лампочка и та без плафона, где и развернуться толком нельзя. Именно там висела одинокая картина бара. И стоило мне лишь коснуться её, как Система выдала:

“Внимание, для входа в произведение искусства “Бар воображаемых друзей” необходимо 18 ед. Бытовой Веры.

Потратить? Да/Нет”

То, что другие могут зарабатывать несколько месяцев, для меня – личный запас за несколько последних дней беготни. Очень муторной беготни, должен признать.

– Добро пожаловать в Бар воображаемых друзей, – миг спустя поприветствовал меня весёлый голос маленькой поняшки с чёрно-красной гривой и цветным значком карточного расклада на крупе. – Давно тебя здесь не было, Несуществующий. Да и столько бы ещё не видеть! Выглядишь просто отвратно, того и гляди всех посетителей распугаешь.

– И я тоже рад тебя видеть, – не стесняясь, потрепал гриву на голове поняшки. – Блэджек, мне нужна твоя помощь.

– Ну кто бы сомневался? Я вся внимание, сладенький. – поняшка излучала само дружелюбие. – Совет? Выпивка?

Может, шоу? Наш личный Критик всегда получает лишь лучшее!

У Блэкджек отсутствовал наруч, а соответственно, и Система, но поняшка была ответственной девочкой и умела пользоваться связями – то есть мной. Потому, не без помощи Артефактора, мне удалось внести подругу в Систему, так что теперь и она и её бар пыли почти легальным местом. А система вынесла свой вердикт поняшке:

“Блэкджек. 6 лет. Пони-тульпа.

Хост: “еггог” Привязки данных не обнаружено.

Работа: владелица “Бара воображаемых друзей”

ИВ: 27. БВ: 458. МВ: 562.

Творческое развитие: аномальное образование”.

– Блэкджек, мне не до шуток. Я относительно нашего последнего разговора о Фениксе, – тульпа скорчила недоумённую мордочку, и я раздражённо пояснил. – Хочу попробовать то, что ты тогда предложила.

Ещё несколько секунд мордочка пони выражала недоумение, а затем на ней залегла тень понимания. Более того, хмурость неодобрения.

– Даже так... – Блэкджек цокнула копытами. – Пошли, нам нужно это обсудить. Присядем в приватной комнатке.

Я последовал за маленькой воображаемой владелицей заведения. Мы скользнули тенями вдоль стены, чтобы не мешать множеству веселящихся людей и тех, кто людьми не являлся. В приглушенном свете под негромкую музыку вы-

пивали воображаемый алкоголь антропоморфные и не очень существа. Смеялись и спорили во время игры герои фантастических вселенных. В темных закутках над бокалами коктейлей или мороженого миловались парочки, где один из собеседников не являлся реальным.

В центре зала находилась большая клетка, где в данный момент проходил бой: огромный – и почему-то розовый – медведь рвал когтями, украшенными блестками, мужчину в черном пальто и шляпе, который до последнего пытался отстреливаться из револьвера. Кровь отсутствовала – всё же в зале немало несовершеннолетних, но обе тульпы достойно вели представление. Я же не обращал на это внимание, скользил сквозь чуть сладковатую атмосферу, полностью поглощённый мыслями.

– Несуществующий! – возглас был резкий и громкий. Обычно такие нотки я слышал, когда меня либо пытаются убить, либо отчитывает начальство. Потому рука рефлекторно метнулась к поясу с револьвером. И лишь на середине движения я вспомнил, что нахожусь на мирной территории, где за всем следит Блэкджек. А ещё мгновением позже до меня дошло, что голос был детский. Вернее подростковый. Что и подтвердили следующие слова, почти сливавшиеся воедино: – Вы и правда Несуществующий! Критик! Я вас видела по телевизору! А теперь и в живую! Вы настоящий! Я ваша фанатка! Я знаю все дела, в которых вы участвовали! Я...

Децибелы зашкаливали, но зато я сумел определить источник звука: пигалица лет тринадцати-четырнадцати в аляпистом платице. Она нарезала вокруг нас круги, так что мой взгляд едва мог сфокусироваться на ней. При этом девчушка явно опасалась ко мне приближаться. А на её лице читался незамутнённый восторг. Даже благоговение, от которого становилось не по себе.

Я, конечно, был в курсе, что про меня знают: как-никак целый отдел Критиков занимался распространением информации, в том числе и обо мне, для получения Рабочей Веры. Новости. Статьи в газетах и сети. В том числе и сайты с обсуждениями наших дел. Тех, которые не засекречены. Насколько я знал, имелось даже отдельное телешоу о похождениях Критиков. Но, честно говоря, всех людей, смотревших это, я невольно причислял к некой серой биомассе, скрывающейся за единичками Рабочей Веры, которую не жалко сжечь.

А тут фанат. Настоящий. Живой. Даже искренний. С учётом того, сколько раз я только за последний месяц обнулял запас Рабочей Веры, страшно представить, как часто эта девчушка меня забывала. И вспоминала вновь.

– Э-э-э... Привет, – неуверенно пробормотал я, пытаюсь вспомнить что-то из наставлений по общению с фанатами. – Я действительно Несуществующий. Тебе чем-нибудь помочь?

– Мне... Вы... – девчушка аж задохнулась от переполня-

ющих её чувств. Я бросил нервный взгляд на Блэкджек, не совсем понимая, нужно меня спасти или оказать помощь девчужке. – А вы можете разрешить моей тульпе вас скопировать?

Вот тут я немного завис. Просьба была до неприличия абсурдная. Обычно образ либо брали не спрашивая. Либо понимали, что это личное, и не лезли. А тут за плечом девчужки стал сплетаться образ: неуверенная дымка человеческой мужской фигуры с неопределёнными чертами лица – заготовка. Но даже эта заготовка высилась над плечом девчужки, пытаюсь прикрыть её от любых косых взглядов.

– Зачем это тебе? – только и сумел я выдать от растерянности.

Уважаемый читатель, безусловно, я шикарен. Красив. Умён. Весел. Ещё и скромник, каких поискать. Сам себе завидую. А лёгкий перегар от только что выпитого пива и во все придаёт мне загадочной брутальности. Но вот выдержит ли мир двух подобных раздолбаев?

– Я... я... – девочка совсем растерялась и с писком унеслась вглубь бара.

– Совсем девчонку засмутил, – укоризненно заметила Блэкджек, продолжив цокать копытцами. – Что, малышка не может безответно влюбиться в героя? Может, ты её когда-то спас и не заметил?

– Может, – пожал я плечами. А затем высокопарно выдал: – В любом случае, пока имеются такие, как она, у меня

есть силы быть Критиком, – хотя в голове крутилась мысль: “И что это вообще было?”

Плотная бархатная занавесь складками отделила нас от основного помещения, оставив лишь узенькую полоску света, через которую Блэкджек наблюдала за порядком в своём заведении.

– Ты ведь понимаешь, что я тогда просто пошутила? – строго уточнила Блэкджек, аккуратно сложив копытца на диванчике и устроившись на них сверху. – Я бросила это в шутку, не более. На самом деле это плохая идея. Даже не так, кошмарная. Почти самоубийственная.

– Мой любимый вид идей... – пробормотал я, пытаюсь подбодрить себя, ибо не был уверен в правильности затеи. Но говорил я решительно: – Просто скажи, это осуществимо? Возможно ли разделить душу между мной и Фениксом, чтобы у него появилась своя воля?

Блэкджек замолкла, а вот я заёрзал на месте. Находиться в картине всегда странно и слегка дискомфортно. Даже сейчас, сидя за занавеской на диванчике у деревянного стола, я волей-неволей замечал разные детали: штрихи кисти на ткани, чуть разнотонные и отличающиеся по ширине; поверхность стола, твёрдую, как дерево, и при этом слегка маслянистую на ощупь; даже диванчик пах не кожей или прошлыми посетителями, а акриловой краской.

– Ты веришь, что это возможно? – наконец спросила Блэкджек, и я уверенно кивнул. Тогда собеседница продолжи-

ла. – Собственно, если бы не верил, то не пришёл бы. И такой же ход есть во многих произведениях. А если во что-то люди верят...

– То это существует, – закончил я. – И ты мне поможешь?

– Лучшая моя помощь – отговорить тебя от этой дурацкой затеи! Ты ведь понимаешь, что Брут бы не одобрил подобное! Глупо рисковать и собой, и Хугином!

– Брут помог воплотиться моему Фениксу. И он не оставил никаких инструкций. Никаких советов. Ничего. Он просто бросил меня с ним. И теперь мне разбираться, как поступать, – сквозь зубы заметил я.

Упомянуть о том, что именно переданный через Машу совет Брута заставил меня поспешить и решиться действовать, а не просто ждать неизвестно чего, я не стал. Так же как и о том, что искать помощи у Блэкджек меня надоумил всё тот же разговор.

Я и так после дела с Янтарной комнатой разоткровенничался с пони. В сердцах высказался, как меня задело, что Феникс так и не помог мне в последнем бою. Нет, я, конечно, обрадовался, что у него имелись эмоции и, возможно, свои мысли, которые привели к этому решению. Но то, что я не мог их понять, услышать и обговорить, меня сильно ранило.

Блэкджек честно пыталась поддержать, вот только утешения ничего не стоят. Зато идеи, пусть и слегка безумные – другое дело. И мысль о разделении души, пусть и высказанная вскользь, зацепила меня. А сегодняшняя заваруха стала

последней каплей. Вроде бы мелочь: Хугин выполнил мой приказ... но мне было от этого необъяснимо больно. Я не знал, хотел ли он этого? Возможно, он действовал против воли? Может, у него имелись собственные мысли по поводу ситуации?

Глупо? Да, безусловно... но Брут меня разбаловал. Он был мне верным другом. И я хотел вернуть подобную связь хоть с кем-то, пусть простит меня Надя за эти слова. И ради подобного я был готов на любую глупость.

– Но это же неразумно! – не унималась моя подруга-пони. – Даже если ты выживешь и добьёшься цели, то весьма вероятно, что это будет не то, о чём ты мечтал. Выгляни в бар. Посмотри на собравшихся там людей и их тульп. Их сервиторов. Их героев и идиолов. Их воображаемых друзей. Все в этом баре прошли свой длинный путь к обретению друга. Дни и недели создания визуального образа. Недели и месяцы тульпосерфинга, пассивного и активного, для проработки характера. Месяцы, а порой и годы в ожидании отклика, дружеского прикосновения. Это всё не просто так! А для того, чтобы твой разум и душа подготовились! – Блэкджек перевела дух после пламенной речи и закончила коротко, но жёстко, даже обвиняюще: – Тебе практически подарили друга. Так этого оказалось мало, и теперь ты хочешь обойти месяцы и годы его воспитания – сразу получить всё.

– Блэкджек, не забывай: я Критик, – мягкость и понимание в словах стали ответом на напор: – У меня не так мно-

го времени. А мне нужен напарник. Верный и максимально автономный. Я понимаю, что прошу много, но не просто же так.

– То, что ты Критик, не ставит тебя выше правил, – рубанула Блэкджек. И добила парой фраз: – Это твоё желание. А чего хочет Хугин?

Я молчал. Мне нечего было сказать. Я не знал...

– Ты не соизволил призвать Хугина на это обсуждение, напрямую его кающееся, – ещё сильнее ударила поняшка, пристально смотря на меня. – И ты всё равно хочешь, наплевав на всё, поступить по-своему? Ты вообще подумал о своём товарище?

– Ты мне поможешь или нет? – насупился я. – Я тебя услышал, но всё равно поступлю по-своему. И когда Хугин сможет решать, то только он будет вправе меня судить! А если ты мне не поможешь и не скажешь, как разделить душу, то я найду кого-то другого. Вот тогда я по-настоящему рискну.

– Хочешь выставить меня виноватой и использовать это? – поняшка хлестнула хвостом. – Ты ведь знаешь, что я творила в своей истории? Знаешь, на что я способна? – я на это промолчал. Поняшка нахмурилась: – Ты нехороший человек, Сергей! Я тебе помогу...

– Отлично! – я улыбнулся. – Спасибо. Тогда как мы это сделаем?

– Для этого нам нужно попасть в астрал, – с ядовитой улыбкой объявила Блэкджек и припечатала: – На четвёртый

уровень.

Хм... хорошая попытка меня остановить. Собственно, одной этой фразой поняшка могла обломать притязания на подобную глупость почти любого из посетителей бара. Астрал – отдельный и очень опасный пласт реальности. И чем выше уровень, тем там опаснее. Хотя и интереснее. И я знаю это на своём опыте – последние полгода из осознанных снов я перешел именно в астрал, а потому понимал, чего хочет моя подруга.

– Отлично. Тогда встречаемся в мире снов сегодня ночью у входа на пятый уровень астрала, – улыбка пони побледнела. – Я уже несколько недель собираю информацию, чтобы пройти испытание для подъёма с пятого на четвёртый уровень. И если ты знаешь про него, то знаешь и как туда попасть, – уголки губ Блэкджек совсем опали, а её добил: – Думаю, это дело на пару ночей...

Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 1)

– Помогите! Спасите! Кто-нибудь... Пожалуйста, придите на помощь!.. – долгий, полный боли и ужаса крик, такой громкий, что аж в ушах звенит.

Я прочистил ухо пальцем и, не реагируя на причитания, глубоко вздохнул. Красота... Рассеянный свет освещал зал. Огромный зал. Эпически громадный зал. Да что мелочиться! Бесконечный зал! И пусть в последнем пункте имелись сомнения, но стен действительно не наблюдалось, сколько ни гуляй. Лишь белый туман укрывал плотным слоем потолок и клубился на границе видимости.

И колонны. Ровные ряды одинаковых нефритовых колонн, уходящие линиями в даль. Оттенки зеленого неровными разводами растекались замысловатым узором по ним и по полу. Каждый, кто вглядывался достаточно долго, начинал чувствовать себя гораздо более умиротворенно. Хотелось просто присесть и любоваться.

В реальности такого не могло существовать. Но мы и находились не там, а в Астрале. Вернее, на пятом его уровне: Чертогах Разума.

– Спасите! Меня похитили! Бедную, беззащитную поняшку, символ дружбы и любви украл грязный извращенец! Спа-

сите честь и достоинство доброй пони от противного зоофила!

Я покосился на “добрую пони”, которая весело прыгала вокруг, выкрикивая гнусности. Грива так и колыхается, шерстка лоснится, глаза блестят, а на морде до невозможности довольная улыбка. Даже рог искрится от переполняющей магии.

– Вот в чём в чём, а в зоофилии меня ещё никто не обвинял, – я всё же решил среагировать. – И хватит уже блажить, Блэджек. Я ещё после первой сотни твоих возмущений понял, что ты не в восторге от затеи. Но за хвост тебя сюда никто не тащил. Сама пришла!

– Пришла! Сидеть в баре надоедает, знаешь ли! А одинокие прогулки по миру для такой милой и слабой поняшки, как я – небезопасная затея. Духи, призраки, лявры и прочие твари так и норовят сожрать! По осознанным снам тоже не особо погуляешь – там сплошные неадеквататы, не знаешь на кого нарвёшься. Пока мы встретились в мире сна и поднялись на этот уровень, на нас напали семь раз! А на уровнях выше мне просто не нравится.

Уважаемые читатели, наверное, где-то здесь я должен разъяснить вам, что за Астрал, в который мы полезли, и какие там уровни? Как вы помните, после прихода Веры в мире появились новые грани реальности, которые раньше были лишь легендами, но в которые люди Верили. Изначально оккультный, нынешний Астрал был изрядно искажён домосла-

ми и идеями доморощенных практиков. Он оброс, как лук шелухой, суевериями, мечтами и религиозными образами. Но они же стали источником Веры: сейчас Астрал – собирательное название сразу для нескольких измерений за пределами материального мира. И все эти измерения имеют общую черту – они так или иначе связаны с душой человека.

Всего на данный момент известно о семи уровнях Астрала. Хотя лично я побывал только на трёх из них: седьмом, шестом и пятом.

Самый нижний – седьмой. Он же Адский уровень. И хотя название звучит грозно, но по факту этот уровень – реальный мир. Только чтобы оказаться на нём и прочувствовать, нужно путешествовать в астральной форме – душой, отделённой от тела. На этом уровне она может гулять по миру невидимой и неосязаемой. Может проходить сквозь стены. Мгновенно путешествовать по лей-линиям чуть ли не на другой конец мира. Использовать места силы для свершения ритуалов. Практически парк развлечений!

Вот только у этого есть цена. Во-первых, чтобы поддерживать разделение души и тела, приходится постоянно затрачивать Веру. И чем дальше они друг от друга, тем больше расход. Нельзя взаимодействовать с предметами, либо необходимо опять же тратить на это Веру. Кроме того, душа, отделённая от тела, становится очень уязвима, и на неё могут напасть населяющие уровень духи, лявры и другие энергетические сущностями – те существа, которых обычный чело-

век даже не почувствует. Не говоря о том, что любые воплощения становятся смертельно опасными... и не обязательно воплощения – неудачное касание и то может навредить! Потому Адский уровень не особо популярен, хотя я его и изучал несколько недель.

Следом идёт шестой уровень или Мир Снов. По нему я уже путешествовал, потому уважаемый читатель должен быть знаком с его особенностями. А я перейду сразу к пятому уровню – Чертогам Разума. Дворцу скорби. Залу осознанности. Названий много, но суть одна – воплощение духовного мира человека.

В размышления вклинилась Блэкджек: тряхнув красно-чёрной гривой, встала передо мной и, фривольно подмигнув, потёрлась мордочкой о ногу, интимным полусшепотом заметив:

– В Чертогах разума никого кроме нас нет. Пусть все и видят это место одинаково, но каждый попадает в личные чертоги... Если, конечно, не позовёт кого-нибудь в гости, как ты меня. Так что можем развлечься? Нам никто не помешает.

Мне даже отвечать не пришлось, как с карканьем из выси спикировал Хугин и пронёсся между нами, ударив крыльями по морде заигравшуюся пони. Та недовольно фыркнула и отпрянула, но тут же вновь улыбнулась, наблюдая, как Феникс приземлился мне на плечо.

– Блэкджек, давай лучше к делу. Как мне пройти испытание этого уровня и подняться выше? – продолжил я прогул-

ку. Да, однообразную, но от этого лишь ещё более расслабляющую.

– Не скажу, – со смешком ответила сопровождающая.

– Блэкджек, хватит, – добавил я в голос строгости. – Чем быстрее закончим здесь и разберёмся со следующим, четвёртым уровнем, тем быстрее я от тебя отстану. Так что кончай вредничать и говори, как пройти испытание? Или хотя бы что за испытание на этом уровне?

У людей имеется ужасная привычка всё усложнять. Даже для перехода с уровня на уровень требуется доказать, что достоин этого, совершив какую-нибудь дичь. И если для Адского уровня и Мира снов испытания обыватель может толком и не заметить, то для других уровней они становятся всё сложнее. Как по мне, глупость высшего масштаба! Единственная радость: если испытание пройдено, то доступ на уровень открыт раз и навсегда.

– Ты не понял, я чисто физически не могу тебе сказать, – фыркнула Блэкджек. – Только не говори, что не пытался найти информацию об уровнях и испытаниях у Редакторов Веры и Критиков.

Я поморщился. Поняшка права. В поисках информации я перерыл всё, до чего сумел дотянуться, сразу же после того, как мне открылся доступ в Чертоги разума. У Критиков имелось несколько человек пробившихся на четвертый-третий уровни, с ещё большим числом они сотрудничали. Все исследованные уровни, с седьмого по третий, подробно за-

документированы, а вот те, что выше... Информация собрана буквально по крупицам: слухи, пусть и тщательно проанализированные, сплетни и фрагменты. Но данных об испытаниях при переходе между уровнями не нашлось. Лишь косвенные: например, что время на прохождение испытания разнится от человека к человеку: кто-то идёт дальше в первый заход, кто-то через несколько недель или месяцев, кому-то не удаётся пройти и через годы

– Это словно инстинкт. Тебе никто не расскажет... собственно, большинство из прошедших испытания даже не в курсе, как они сделали это. Вот ты знаешь, что сотворил, чтобы попасть на этот уровень?

Блэкджек была права: я не знал. У меня имелись подозрения. Много подозрений и догадок. Основаны все они на моменте, когда для меня открылся проход в Чертоги разума: сразу после воскрешения Маши и изгнания Бога за грань реальности. Вот только что стало катализатором? Возрождение подруги? Изгнание Бога? Потеря Брута? Восстановление воспоминаний? Или может что-то ещё? Доподлинно я не знал. Но был уверен: обмен не равноценен... Хотя, возможно, я просто не вижу какого-то глубинного смысла.

– Так значит, ты не можешь помочь и просто решила со мной погулять и поиздеваться? – нахмурился я.

– Почему же? Я могу дать совет!.. Вернее, указать направление. Надеюсь, ты меня поймёшь. Но для начала уточню: тебе же известна главная фишка этого уровня? Знаешь, что

это не просто огромный зал?

– Каждая колонна в зале – воспоминание, – начал я чеканить информацию, зазубренную в архивах Критиков. – Здесь собраны все мои воспоминания, начиная с самого рождения. Даже те, что сторели из-за использования Веры. А некоторые утверждают, что и память прошлых жизней души. Когда окажешься в воспоминании, то его можно либо пережить, либо изменить – тогда оно изменится в твоей памяти, хотя на реальность не повлияет. Психологи очень советуют прорабатывать здесь психологические проблемы, изменяя травмирующие воспоминания. Но предупреждают не заикливаться на светлых воспоминаниях – они могут стать наркотиком.

– Ты так говоришь, словно сам ни разу не гулял по воспоминаниям! – удивилась Блэкджек.

– Нет, – я повёл головой, разминая шею. – Ты ведь знаешь моё отношение к азартным играм, а тут считай лотерея: повезёт – хорошее воспоминание, ну а нет – значит, нет. Да, слышал, что по узорам на колоннах можно определить, что внутри... но как-то это зыбко звучит. Кроме того, у меня и в реале дел достаточно, я сюда забегал всего несколько раз.

– И всё это время ты здесь просто гулял? – вкрадчиво уточнила пони, а я уверенно кивнул. – Ты ведь понимаешь, что пытаешься пройти испытание астрального уровня, ни разу не воспользовавшись его особенностями?

Хм... Стоило задуматься над словами Блэкджек, как я понял, что у моей, несомненно, гениальной логики имеется

некая дыра размером с большой каньон. В своё оправдание могу сказать, что предыдущее испытание я преодолел, вовсе не находясь в Мире Снов. Хотя и прошел я его случайно, а не намеренно, сейчас же нужен более системный подход.

– Значит, считаешь, нужно найти определённое воспоминание? – постарался я сделать морду кирпичом. – И какое же?

– Мозгами пораскинуть не желаешь? Что обычно используют в испытаниях? Воспоминания о радугах и единорогах? Так вот я – самая шикарная из единорожек! – притопнула копытом Блэкджек.

– Понятно... значит нужно найти плохое воспоминание, – пони выжидательно смотрела на меня большими глазами, словно я не закончил мысль. – Очень плохое воспоминание? Самое кошмарное воспоминание? – Блэкджек не сводила с меня взгляда. – То, которое ты сильнее всего ненавидишь, боишься и хочешь забыть?! Найти то воспоминание, которого я бы не хотел, чтобы вовсе существовало?!

– Спустись в глубины бездны, – самым жутким и загробным голосом провозгласила Блэкджек.

– И?.. – уточнил я.

– А дальше уже тебе решать. Это твоё испытание, не моё. Я, например, знаю, что своё бы провалила! Благо, мне их проходить не нужно, его за меня прошли, – вновь беззаботно пожала плечами пони. – И да... я, конечно, от души повеселюсь, наблюдая, как ты мечешься от колонны к колонне,

всматриваясь в узор и невольно раскрывая мне свои тайны, но всё же приоткрою секрет о Чертогах: достаточно представить, что хочешь вспомнить, и ближайшая колонна станет порталом в воспоминание.

Я осмотрел нефритовый простор. Вдохнул приятный, чуть отдающий цветами и морем воздух и уверенно двинулся к ближайшей колонне, на ходу объявив:

– Тогда я знаю необходимое воспоминание, – и коснулся колонны одной рукой, вторую положив на голову Блэкджек, невольно ухватившись за гриву у уха.

Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 1 (воспоминание))

– У нас проблемы! – встретил меня крик Нади, стоило только вскочить и захлопнуть дверь.

– А когда их не было? Можно что-то пооптимистичнее? – навалившись плечом я опрокинул полупустой шкаф с одеждой на входную дверь. И хотя действие происходило по моей воле, возникало ощущение, что нахожусь я внутри костюма, который запрограммирован на те или иные действия, в то время как мне отведена лишь роль пассажира.

Я вывалился в общую комнату. Обстановка средней паршивости: окно выбито вместе с рамой, на полу валяются несколько птиц и какая-то кракозябра, наполовину растерзанная, наполовину расстрелянная. Воняла она как туалет после хорошей пьянки. Я даже не стал присматриваться к этой дергающей лапкой дряни, мне доставало того, что пистолет в руках Нади выписывал восьмёрки, но она не сводила его с окна.

– Я не могу восстановить душу Марии, – буквально прорычал Артефактор, всё ещё держа руку на лбу девушки. – Всего этого баракла недостаточно, чтобы зажечь искру творения.

Раздался грохот и дверь в прихожую выбило, а пару се-

кунд спустя на входе показался Алексей-маргинал. Его кибер-рука сжимала голову поднятого в воздух и окровавленного, но всё ещё живого и даже трепыхающегося Максима, брата Маши.

А вокруг живой руки... да и вообще всего тела Маргинала кружились руны. Чёрные значки образовывали сложнейшие узоры и вновь устремлялись к телу, но не оставались на нём, а словно впитывались. Тело изменялось, становясь больше и покрываясь чешуёй, а в глазах появлялся вертикальный зрачок. Оружие в живой руке теперь выглядело словно игрушка. Я почувствовал, как начинаю забывать, кто передо мной.

– Сергей, даю тебе последний шанс: отступи. Я даже твою девчонку не трону. Отдай мне Артефактора!

В окно ворвалось летающее нечто. Самым примечательным в этом летающем нечто оказались крылья. Металлические крылья. Тело походило на пластинчатый доспех, выкованный и надетый на льва, даже проволочная грива имелась, а венчал всё скорпионий хвост. Хвост, измазанный в крови... питомцы Нади не сумели сдержать этого монстра. Этакая кибер-мантикора... или мантикора Художника в броне? Я чувствовал – Вера её питает в меньшей степени, нежели технологии. И откуда только у бандитов подобные игрушки?

– Художник повелевает, сдайся, – пророкотал монстр.

И в тот же момент фрагмент души, заключённый в татуировку на руке, вспыхнул болью, а рука дёрнулась. Вот только боль была не больше, чем от укуса комара, а движение даже

судорогой назвать сложно – в татуировке не имелось и капли Веры. Её ничего не питало, а вот я все силы направлял на противодействие чужой Вере.

– Редакторы уже здесь, лучше отступи, пока не поздно...
– попытался я скорчить хорошую мину при плохой игре.

– Не старайся, – неожиданно вклинился Брут. И все взгляды сошлись на моём маленьком питомце. – Ты же знаешь, всё закончится не так... ты помнишь будущее.

Я помнил, что должно было произойти. Я этого не хотел... всем сердцем не хотел! И мог это предотвратить. Уверен, одно моё желание – и воспоминание изменится. Вот только Брут тогда поступил правильно. Единственно верно. И сколь бы сильна ни была боль от его ухода, я знаю – он живет в душе Маши. Хугин стал его наследием, ради которого я здесь. Я хочу помнить его героем... сволочью, но героем. Потому я ничего не сделал.

И Брут побежал. Побежал в комнату к Маше. Я рванул следом... собственно побежали все. А посему все увидели, как Брут прыгнул под луч убер-пушки Артефактора и иллюзорное тело буквально в воздухе распалось в пыль. Чунаева при этом буквально перекосило. И миг спустя Мария Козлова рывком села на кровати, шаря безумным взглядом по присутствующим.

– Мария Козлова, используй свою Веру, дабы ожить! Будь так добра! – рявкнул я на одном дыхании, завершая одной фразой план длиной в восемь лет.

– Да будет так! – ответила девушка явно помимо воли.

Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 2)

– Ух... так значит, вот оно как было? – Блэкджек выглядела чуть взъерошенной. – Меня, конечно, саму несколько раз с того света доставали, но это был интересный опыт.

Я не обратил внимания на слова пони, а просто сел на пол. Воспоминание далось нелегко, но на душе после него стало как-то свободнее. Словно я невольно простился со старым другом. Отдал почести.

– Видел своего родителя? – спросил я у Хугина, слетевшего на колени и смотревшего на меня большими умными глазами. – Именно он создал тебя. Помог выйти в мир в нужный момент. Он твоя семья, – погладил я ворона по голове и впервые за долгое время Феникс ответил, потеревшись об меня и подставив спину. Грустная улыбка волной скользнула по лицу.

Я осмотрелся: вновь лишь нефрит колонн да туман бесконечности окружали меня. Ни малейших изменений, а значит, испытание не было пройдено...

– Я провалился? – уточнил я без особого энтузиазма.

– Скорее промахнулся, – Блэкджек подошла ко мне и, сложив копытца, улеглась, положив мордочку мне на колени. В отличие от реального мира, тут поняшка имела осязаемое

тело. – Это, безусловно, очень неприятное воспоминание, но сомневаюсь, что оно самое тёмное и плохое, что случилось в твоей жизни. Я не думаю, что это твой ад, который ты боишься повторить. Это просто первый выстрел, можно сказать, пристрелочный.

Как бы больно это не было, но похоже, Блэкджек снова права – у неё большой опыт по всякого рода паршивым, даже адским ситуациям. В самом деле, не думал же я, что два испытания окажутся завязаны на один день?

– Мне нужно подумать... – честно признался я.

В моей жизни имелась целая уйма моментов в категории от “паршиво” до “что это за хтонический **здец!” А то и вообще класса “похоронить и не доставать”. Первое дело с Шефом. Или дело о “Четверге, которого не было”. Дело о “Весёлом суициде”. О “Тройном утоплении”. А можно вообще капнуть и вспомнить моё первое убийство, как Редактора...

– Отвлекись, – предложила Блэкджек, “бупнувшись” носом о моё колено. – А то с каждой секундой ты всё больше мрачнееешь. Не хватало ещё, чтобы тебя одержимость тут накрыла. Лучше расскажи что-нибудь... например, ты уже получил какие-то астральные способности? Или, может, нацелился на что-то на ещё закрытых уровнях? Ну, кроме разделения души.

Вопрос интересный, хотя по чести так далеко я не задумывался. Но многие исследователи Астрала получают уникальные возможности, развивая свой дух на пути осознанности.

Я бы не отказался ради этого побродить по четвёртому плану Астрала: Уровню испытаний. Согласно собранным данным, пройдя испытание, там можно усилить духовные характеристики – ту же удачу в моём случае; или, поднять на новую высоту личностные способности, ограничить таланты и умения – силу воли, уверенность, вдумчивость, стрессоустойчивость, лидерство и прочее по списку *эйчаров из отдела кадров*. Либо можно получить уникальный дар – то, на чём строится мой расчёт. И всё это без использования Веры, лишь развивая самого себя – уровень сам генерирует испытания для человека: те, которые ему нужны.

Не менее полезен в плане развития и третий план астрала: Пристанище душ. В нашей стране до прихода Веры немаловажную роль занимало христианство, потому и загробный мир оказался с его колоритом: Лимб.

В христианстве тот описывался как место, где пребывали души тех, кто не заслужил ада и вечных мук, но не может попасть в рай по независящим от него причинам. Но Лимб, созданный Верой, оказался далёк от привычного, ибо Россия – многонациональная страна и своё представление о загробном мире внесли многие. И мы получили то, что имеем: мульти- культурный, религиозный и даже исторический микс – Лимб, в котором нашли приют вообще все души. По крайней мере все те, кто ассоциировал себя с культурой и религией России.

У других стран и религий имелись свои загробные миры –

небольшие анклавны на третьем уровне Астрала. Все они были разделены, но чисто номинально: и души, и живые путники вполне могли преодолеть барьеры – для сознания нет границ, в отличие от стран. Находилось немало желающих встретиться с душами недавно почивших.

Я и сам надеялся, что сумею добраться до этого уровня в ближайшие годы.

– Я учусь различать ауры людей, – нехотя признался я. – Правда, если честно, запомнил ещё не все цвета и оттенки. Да и плохо даётся расшифровка цвета на эмоциональном плане. Зато болезни по яркости ауры могу определить. По крайней мере самые большие дыры заметить.

Внутренний монолог на заднем фоне сознания к этому моменту пришёл к выводу, что рабочие моменты хоть во многом и были неприятны, но оставались необходимы. Да, я их вспоминал нечасто, но они меня многому научили, потому копаться там не особо результативно. Но в таком случае, где мне искать личный кошмар?

– Тогда скажи, какая у меня аура? – приподняла мордочку Блекджек.

– Красный. Жёлтый. И совсем немного черного, – честно признался я. – Очень простое сочетание, даже я расшифрую. Красная энергия – это здоровое эго. Хотя в негативном ключе алый цвет может обозначать гнев, беспощадность, беспокойство или нервозность. Жёлтый – цвет пробуждения, оптимизма, легкомысленного характера, вдохновения и ума.

Чёрный указывает на беспощадный характер по отношению к себе или другим. Также говорит о проблемах в прошлом, пережитом гневе, горе или проблемах со здоровьем.

И нет, я не так хорош в этом, как может показаться. Мне требуется как минимум несколько минут и полная сосредоточенность, чтобы разглядеть ауру человека. Пусть и тренируюсь я на Адском уровне, но в работе это пока не может помочь. Зато я изучил всех своих близких, в том числе Блэкджек.

– Так не интересно! Ты знаешь мою литературную историю, вот и подогнал, – насупилась поняшка.

А я понял, что самым страшным и неприятным для меня может быть только личное. Личные потери? Что может быть больнее и неприятнее? И если с Брутом мы разобрались, а потерю Маши я почти забыл, да и воскресил я её, то осталась только семья. Да, бабушка моя умерла, но память о ней была лёгкой и лишь немного грустной. А родители живы. Так что мне нужно?

– Не обижайся, тебе не идёт, кровожадная кибер-убийца, – потрепал я поняшку по шее, та от удовольствия закатила глаза и чуть слышно заржала. Феникс ревниво заклокотал.

Мысль о родителях меня неожиданно зацепила. Да, они живы, но я их вычеркнул из жизни почти на десяток лет. Забыл и похоронил воспоминания. Это ли не то, о чем говорила Блэкджек?

– У меня вроде бы есть идея, – предупредил я спутников

и почувствовал, как они прижались ко мне, поддерживая.

Подчиняясь моему желанию, зал словно бы повернулся вокруг нас, и мы оказались у новой колонны с разводами зелени, едва заметно отличающейся от предыдущей. И вновь прикосновение к колонне, пока решимость не угасла.

Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 2 (воспоминание))

– Так, значит, решил. Едешь? – гулко уточнил батя, когда щи оказались уже съедены, а мать накладывала тушёную капусту с курицей.

– Да, поезд завтра в четыре утра проходит через станцию. Вещи собраны, – я не смел поднять глаза, а потому обрадовался, когда передо мной поставили тарелку. – Больше тянуть нельзя. Остался всего день для подачи документов. Не говоря уже об общаге...

Чувствовать себя младше на десяток лет оказалось непривычно. Тело меньше, плечи согнуты, шея ныла от того, что постоянно чуть склонена. Зато мозги работают шустро, а в теле лёгкость... и страх.

– Тц... – батя цокнул языком. Закинул в рот капусту, хотя она и была только с плиты и могла легко ошпарить. Неспешно прожевав, он продолжил: – Значит, минимум на четыре года уезжаешь.

– Не считая каникул в сезон, – попытался вставить я.

– И всё это время работать не будешь, – зычный голос отца перекрыл мою вставку, словно её и не было. – То есть хочешь бросить меня одного на участке? – новая порция капусты. – Хочешь бросить семью неизвестно ради чего.

– Ради образования! – мать тоже села за стол, как всегда положив себе остатки. – Образование очень важно!

От поддержки матери сердце наполнилось теплом. Хоть кто-то меня понимал! Она собрала с собой еды на первое время. Всё что я люблю... Денег пыталась дать, но я не взял – не зря ведь работал до последнего! Не зря копил. На месяц жизни в городе точно хватит!

– Важно, – кивнул отец размеренно, не отрывая взгляда от меня. – Но он серьезно думает, что кому-то там, в городе, нужен? Думает, что сумеет устроиться на бюджет со своим деревенским аттестатом? Посмеются над ним только.

– Посмеются, и не поступлю – значит, вернусь, – себе под нос огрызнулся я. – Тебе на радость.

– Что? Что ты сказал? – повысил голос отец. – Повтори.

– Ничего... Говорю, что попробовать должен, – решился ответить я. – Не вечно же в деревне сидеть?

Я поднял голову и посмотрел на отца с вызовом. Здоровый мужчина. Под два метра ростом и косая сажень в плечах. Как он подковы гнул, я видел самолично. Щетина словно наждак. А взгляд... у меня от него перехватывало дыхание.

– А чем тебе деревня не угодила? – насупился отец и даже отложил приборы. – Это твой дом. Место, где тебя всегда ждут. Твоя земля, которая всегда рядом. Хозяйство, которое в зависимости от того, как поработаешь, так тебя и накормит. То, на что можно положиться.

– Это дыра! Грязная и вонючая дыра! – недовольно огрыз-

нулся я. – У нас даже горячей воды нет! Баня раз в неделю – счастье. Интернет провели, так местные алкаши на вышку косятся, думают, как бы её в чермет сдать. А работать на этом “хозяйстве” постоянно в грязи, среди помоев, да навоза – уж спасибо не надо. Я лучше в городе счастье попытаю.

– Серёжа! Дима! – попыталась влезть мать. – А ну хватит!

Я даже и не помнил, что она пыталась нас разнять. В душе осталась лишь ярость в этот момент. Я чувствовал, как меня душили слёзы из-за того, что меня не хотели понять. Раздирала обида, от того, что пытаются остановить. Сжигала злость... о, как она меня сжигала!

– Это честная работа, – начал заводится и отец, повысив голос. – А что ты будешь делать в городе? “Физик” – разве профессия? Чем ты вообще будешь заниматься? В лаборатории мензурки мыть? Микроскопы протирать? Возомнил себя следующим Ломоносовым? Я бы понял ещё механик, или аграрное что-то... помог бы родному селу!

– Да к чёрту это село! – не выдержал я.

Я готов был броситься чуть ли не в драку, чтобы отстаивать свои, единственно правильные убеждения перед этим дуболомом, который с рассвета до заката только и работал. Более того, уже и меня окончательно достал, постоянно используя то грузчиком, то подсобником, то ещё каким-нибудь “принеси-подай-отвали и не мешай”.

При этом я знал, что сейчас последний шанс остановится. Я мог бы замолчать и извиниться, а после просто поступить

по-своему! Но я дал волю эмоциям! Я попытался доказать свою правду! Совершил ошибку.

Сейчас я бы поступил по-другому – опыт, зараза, меняет взгляд на многие вещи. Но о том, что сказал тогда, не жалею. С тех пор я больше не боялся говорить то, что думаю, кому бы то ни было. Ни Шефу. Ни мисс Спектр. Ни, чёрт его побери, Богу! Я не смиренная маска, удобная для других! Я смеялся всем им в лицо, ибо это был я.

– Я ненавижу эту дыру всей душой. Только и мечтаю, как бы отсюда свалить и больше её никогда не видеть. Я надеюсь, что когда-нибудь тут всё просто сгорит. И что мне не придётся возвращаться сюда после учёбы. Я сделаю для этого всё возможное!

– А ну замолчи, щенок! – рявкнул отец, который всю жизнь прожил в этой деревне. – Это место тебя кормит. Работа в поле и в хозяйстве! Хочешь на мать всё сбросить? Она не молодеет. Это место для тебя...

– Это пройденный этап! И если вы хотите здесь гнить – ваша воля! Но я не хочу, – припечатал я и в чувствах вскочил.

Наблюдая за происходящим чуть отстранённо, я увидел, как на глазах матери блестят слёзы, а руки в испуге сложены на груди. Заметил за покрасневшимся лицом отца со сдвинутыми бровями бледность... морщины... боль и обиду во взгляде.

Я увидел чувства, которые никогда не замечал раньше.

Был слеп? Молод? Глуп? Или, может, отец, работяга и труженик, который за всю мою жизнь не поднял на меня руки и матери плохого слова не сказал – может, он хорошо скрывал свои чувства, чтобы проблемы не свалились на его семью? Не знаю...

– Я больше сюда не вернусь. Прощайте! – и молодой я побежал наверх, за вещами.

– Ну и уходи, – донеслось мне в спину сдавленное. Последний выстрел.

Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 3)

Лестницы... да и вообще каких-либо изменений не наблюдалось. Очередной провал. Просто тишина. Просто компания разномастных существ сидела плотной группой, на одном из уровней астрала и поддерживала теплыми объятиями друг друга. Просто хотелось закрыть глаза и забыться... И я даже не знал, рад или сожалею, что тут нет Нади?

– Ты поступил жестоко... но правильно, – наконец, заметила Блэкджек.

– Знаю, – безжизненно отметил я. – Поэтому я ничего не поменял.

В мысли закралась идея, что стоит всё бросить и попробовать найти «Провал».

Как известно, у любого правила есть исключения. Имелись они и в случае с испытаниями. Если их преодолеть, проход на следующий уровень астрала открывался раз и навсегда. А вот Провалы были одноразовыми.

Порой люди случайно проваливались безо всяких испытаний сразу на несколько уровней. Например, когда я искал душу в деле с Машей, то проскочил пару уровней и из Мира снов попал сразу в Лимб – третий уровень. Хотя... параметр “случайно” вызывал основные проблемы. Времени для

поиска “провалов” могло уйти неопределённое количество. И “нахождение” Провала могло совпасть с тем, что человек невольно проходил испытание, свойственное для уровня, куда открывался Провал. Локальное, слабенькое, но очень значимое испытание.

Вот только имелось у Провалов и неоспоримое преимущество: лишь через них попаданцам удалось попасть в Хроники Акаши – второй уровень астрала. Пробрить туда постоянный, осознанный проход ещё никому не удалось.

Библиотека или Хроники Акаши. Здесь находятся все знания человечества. Книга с судьбой каждого человека. Сюда подключаются предсказатели за своими видениями. А ещё последователи последней Книги верят, что там хранится книга, которую написал творец. Туда попадали лишь несколько раз, спонтанными переходами.

Многие сравнивали Уровень испытаний с хрониками Акаши – мол, и там, и там можно получить знание. Но имелось существенное пара отличий. На Уровне испытаний можно получить навыки, которые развивали лишь душу – испытания воли, морали, стойкости и прочих характеристик. В хрониках – знания для разума... причём как уже существующие, так и только потенциально возможные. И второе, на уровне испытаний необходимо заслужить развитие – раз за разом преодолевая испытания, проигрывая и становясь лучше. В случае же с хрониками само попадание туда означает, что ты прошёл испытание и все знания доступны.

Но даже Провал не мог помочь попасть на первый уровень Астрала: в легендарную “Кузницу душ” – место, где все души перерождаются и отправляются на новый круг бытия. Где не побывал ни один смертный. Нам известно об этом месте только по обмолвкам душ из Лимба. Это место не изучено, так что может содержать всё что угодно.

Хугин в моих руках расправил крылья, позволяя себя погладить и выказывая доверие. Тихие, едва различимые то ли “крух”, то ли “ток”, выражали его спокойную умиротворённость и отдалённо были похожи на песню. Гортанную песню, которая, словно жёсткие крылья, укрывала моё сердце от боли.

– ...и он любил сидеть часами, просто любясь простором, – я поймал себя на том, что Блэджек уже какое-то время о чем-то рассказывает, но за своими переживаниями я совсем это упустил. – Я никогда не понимала, что же его так зацепило? Ну да, красиво... Но не тратить же на это по несколько часов! А хост на это всегда лишь смеялся...

– Постой, постой, – встрепнулся я. В мою заторможенную голову пришла мысль: – У тебя был хост-создатель? Так ты не коллективная тульпа? И где тогда сейчас твой хост?

– Вечно ты слышишь не то, что нужно, – недовольно насупилась Блэджек, хлестнув хвостом в раздражении. – Может, и существуют коллективные тульпы – тот же бог, но у меня есть единственный хост... вернее был.

– Так значит, это твой хост проходил испытания, и теперь

ты всего лишь идёшь по его словам? И от него же ты знаешь про разделение души?

– Сергей, не надо, – едва слышно попросила Блэкджек.

Я запоздало понял, что лезу в личное: отношения хоста и тульпы – это заставило меня заткнуться. Вариант, что Блэкджек обманула и задала неверное направление, вынуждая отказаться от так не нравящейся ей цели, я держал в голове, но не давал ему разгуляться. Вместо этого пытаюсь вспомнить... то, что я не хотел бы помнить. Парадокс!

Бесконечность вариантов, на просмотр которых уйдёт вся жизнь... собственно, тут и запечатлена вся моя жизнь. Осознанно я никогда не найду своё самое темное воспоминание, даже зная наверняка, что оно есть в этих Чертогах. Эх, жаль я не могу пожелать и получить, что я хочу... Или могу?

Если колонна откликается на моё желание просмотреть то или иное воспоминание, то почему бы не задать более общий запрос? Неужели может сработать?

– Приготовьтесь... Ещё одна попытка, – с тяжёлым сердцем предупредил я, прикасаясь к колонне, словно к раскалённой поверхности, в ожидании новой муки. И мысленно попросил: – “Я желаю обрести то, что стерто из памяти, то, что никогда не хотел бы помнить”.

Глава 4. Или как возненавидеть себя? (Часть 3 (воспоминание))

Плотные заросли осоки высотой в мой рост, а местами и выше. Она окружает со всех сторон, но видны два выхода из травяной западни: тропинка, ведущая вглубь зелени, а дальше, как я знаю, вверх по склону к дороге в родную деревню; с другой стороны мостки, открывающие доступ к воде, слегка затянутой ряской. Они позволяют прыгать сразу на глубину.

По ощущениям я – шести или семилетний шкет. Стою на небольшом вытоптанном островке, недалеко у воды, рядом с кострищем и самодельным чурбачком-сиденьем – одно из детских убежищ. На чурбачках восседают ещё пара парней, на вид лет двенадцати-четырнадцати, причём один из них пытается делать вид, что курит, хотя на самом деле лишь мусолит сигарету.

Я не знал, плакать мне или смеяться. Я убивал. Уничтожал великие произведения искусства. Несколько раз становился причиной жутких трагедий. Даже катаклизмов. Но моё самое тёмное воспоминание из детства? С той поры, когда я пошёл в первый класс? Или ещё до этого?

Но самое странное, что я действительно не мог припомнить этот момент. Что такого жуткого могла сотворить ком-

пания детишек?

– Ну что, принёс? – тот парень, что постарше пытался говорить грозно, но очевидно, что он с трудом сдерживал любопытство.

Я пытался вспомнить, кто этот гоповатый пацан? Миха-коромысло, которого по малолетке посадили? Или Сёма-всё-путём, которому по пьяному делу комбайном откромсало руку?

– Ну чё мнешься, как девчонка? Или зассал? – ухмыльнулся второй. – Сём, ты погляди на этого ссыкуна! Проигрался и теперь долг отдавать не хочет!

– Дык... это ты зря. Карточный долг – дело святое! Или хочешь, чтобы все знали: Серёга – лошпет, который слово не держит?

– Нет! Я принёс! – мой голос прозвучал неожиданно звонко и взволновано, а я почувствовал, как мои руки трясутся, когда полез за пазуху, пытаясь, что-то достать. – Я держу слово.

У воспоминаний имелся один крупный недостаток: если отголоски эмоций ещё чувствовались, то вот о своих прошлых мыслях я ничего не мог сказать. Что думала моя юная версия в тот момент? Думала ли она вообще? Не помню...

В моих руках появился полотняный мешочек, внутри которого что-то звенело. Не деньги – уже радуется. По тактильным ощущениям что-то странно знакомое. Что-то, от чего в душе отдалось первое эхо неуверенного страха...

Сёма, не желая дожидаться, выхватил мешочек у меня из рук. Несколько уверенных движений, и на свет появились три предмета: две медали "За боевые заслуги"; одна медаль "За отвагу". Мне хватило одного отблеска солнца, чтобы узнать их и, что самое паршивое, вместе с этим пришли и отблески воспоминаний. Пришёл стыд...

– Вот эту пустим на грузила, – бормотал Сёма, крутя в руках медаль "За отвагу".

– Да фигня, – спорил с ним товарищ. – Давай лучше Димычу толкнём. Он в город поедет – продаст, а нам он сразу заплатит пару сотен.

– Давай пару продадим, а вот эту, – он ухватил медаль "За боевые заслуги". – Тяжёлая... да и блестящая! У Кольки из них можно будет блесны выплавить... Или даже колечко сделать! Подарю Ленке, может, даст?

“Медаль «За боевые заслуги» – государственная награда СССР для награждения за умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с риском для жизни, содействующие успеху боевых действий с врагами Советского государства”, – всплыла в сознании выдержка из старого учебника. А в сердце, вместе со стыдом, стала просачиваться ярость.

– Ребят... может, отдадите? – услышал я собственный голос, едва сдерживающий слезы. – Это ведь прадедушки! Он их с войны привёз...

– А ну отвали, – отмахнулся от меня Сёма, полностью поглощённый новым приобретением.

– Не... постой, – протянул товарищ, и в его взгляде я прочитал желание поглумиться. Но по тому, как потеплело от надежды у молодой моей версии, я понял, что юный я не уловил подвоха. А старший говорил: – Вернуть не можем. Ты нам проиграл и это твой долг. Хотя можешь отыграться... Вот только у тебя есть, что поставить? – всё внутри моей молодой версии сжалось, ибо он не знал, что предложить, но старший помог и тут: – Нужно что-то равноценное. Пара тысяч, думаю – в самый раз...

У моей юной версии всё рухнуло. Ему давали карманные деньги, и он их даже копил – у него имелось, около ста пятидесяти рублей в копилке! Но не две тысячи. Такие огромные деньги могли быть только у родителей.

– У меня нет, – честно признался я, и стрекот лягушек вдали подтвердил это. – А папка не даст...

– Так зачем спрашивать? Сопри, да и всё! – ухмыльнулся Сёма. – Потом вернёшь... если выиграешь. А проиграешь, так получать тебе в любом случае, что за эти побрякушки, что за деньги.

Я задумался... Моя детская версия всерьёз задумалась над предложением! От одного этого осознания душа вскипела! Да что там, вулкан так не извергался, как я пылал в тот момент. Для меня имелось только одно правильное решение: броситься в драку, несмотря на последствия, и отобрать награды любой ценой. Только так и не иначе! И то, что их двое, то, что они старше, и другие нюансы – лишь оправдания.

Но детская версия думала над совершением кражи. Она не понимала, что выиграть ему не суждено в любом случае. И даже если он сумеет сделать это каким-то чудом, то у него всё отберут силой.

И главное, детская версия думала над предательством родных, ибо не знала будущего, которое калейдоскопом мелькало у меня в голове. Юный я не помнил слёз дорогой любимой бабушки, для которой исчезло последнее, и от того такое ценное наследие прадеда – героя войны и по рассказам очень хорошего человека. Юный я не чувствовал напряжения, когда оставался с матерью в следующие несколько месяцев. Как она сквозь силу улыбалась при разговоре со мной. Юный я не видел взгляда бати.

Это было самое жуткое. Он не ругался. Он даже подзатыльника мне не отвесил. Он просто посмотрел на меня с таким презрением и грустью, словно на скот, который на следующий день должны отправить на убой. На убой меня не отправили – отвели в библиотеку, где заставили найти всё о медалях и прочитать, чтобы я понял их значение.

Это оказалось кошмарно. С каждым прочитанным словом и страницей. С постепенным осознанием цены данных наград – за что они давались. Вместе со всем этим ко мне в сердце просачивалось презрение к собственному поступку.

Не удивительно, что я постарался это забыть.

– Нет, я не могу, – наконец, едва слышно произнесла моя детская версия. – Отдайте, пожалуйста...

– Да пошёл ты... – оттолкнул меня Сёма со смехом.

Последний шанс вмешаться. Драка! Я был готов рвать зубами, если потребуется. Я был готов убивать, лишь бы смыть позор. Лишь бы всё исправить...

Вот только остатки холодного разума подсказывали: этого не исправить. Сделанного не воротить. А забывать одно из определяющих меня воспоминаний – это как минимум неразумно. Это моя жизнь. Я её прожил. И уже давно принял последствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.